

Текст экскурсии «ДЕНЬ ПОБЕДЫ»

Точка 1. Перед усадьбой Рукавишниковых

9 мая 2025 года наша страна отмечала восьмидесятую годовщину Победы в Великой Отечественной войне. 80 лет назад отгремели залпы победного салюта в Москве. Вечером 8 мая 1945 года в радиозфире диктор несколько раз сообщил, что в ночь на 9 мая радио будет в виде исключения работать до 4 часов утра, и люди поняли – будет радостная весть, которую ждали и приближали всей страной долгих 1418 дней. В 2 часа 10 минут 9 мая диктором Юрием Левитаном был объявлен Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая Днем всенародного торжества — Праздником Победы.

В Горьком в ту ночь шёл дождь, повисла пелена тумана. Но никто этого не замечал. Как скажут потом очевидцы, всё осветило солнце абсолютного счастья. Все «с необыкновенным вниманием, с жадностью ловили каждое слово у репродуктора». И в ночи город засиял. Свет зажёгся, кажется, в каждом окне. Люди выбегали на улицы с криками: «Ура! Победа!» Все обнимались, смеялись и плакали. «Город в одно мгновение наполнился счастьем. Оно плескалось, лилось через край, затопляя сердца, освещая улыбкой сияющие лица», а «дождь освежил разгорячённые лица и вымыл улицы перед великим праздником». На площади Минина и Пожарского «на балкон вынесли радиолу. И в четвёртом часу утра открылся первый праздничный бал». Сообщение по радио о безоговорочной капитуляции Германии слушали рабочие ночной смены на всех заводах. «Красный цвет Победы пылал над городом» - повсюду были флаги, как и во всех городах и селах области.

Это был праздник со слезами на глазах, выстраданный праздник города, который жил и работал в тылу, как на передовой – в цехах у станков и конвейеров без выходных, впроголодь и под жестокими бомбежками. При этом Горький продолжал жить – люди создавали семьи и рожали детей, учились в школах и институтах, сажали деревья и капусту, ходили в библиотеки и театры, помогали раненым в госпиталях. Хоть и далеки уже от нас сегодняшних страшные события 1941-1945 годов, но они по-прежнему касаются нас и наших семей. Наверное, сложно найти в нашей стране человека, предки которого не сражались с оружием в руках в бою с фашистами, или не работали в тылу, или не пухли от голода и не мерзли в холодных домах в эти долгие дни и ночи. Пока мы носим в себе память предков, мы носим в себе историю нашего народа, нашей страны и нашего города. Сохранить ее, передать детям и внукам – это наша безусловная обязанность.

Город Горький назвали «кузницей Победы», а 2 июня 2020 г. указом Президента РФ нашему городу было присвоено звание «Город трудовой доблести». Мы поговорим на экскурсии о том, что стоит за этими словами, как жили горожане долгие 1418 дней войны.

Страшное событие – нападение Германии на Советский Союз, перевернувшее ход истории не только нашей страны, но и всего человечества, произошло ранним утром 22 июня 1941 года, в 4 часа утра по московскому времени. Но горьковчане, как и большинство жителей нашей страны, узнали о начале войны гораздо позднее.

21 июня 1941 года в школах Советского Союза прошли выпускные вечера. В Горьком тоже проходили выпускные балы. Девушки и юноши, получив аттестаты

зрелости, гуляли по улицам города, встречали рассвет, мечтали о будущем, о любви. Завтра у них начнётся другая жизнь: кто-то будет поступать в институт, кто-то - поедет на стройку, кто-то - пойдёт работать на фабрики и заводы... Но завтра у них не было, потому что «завтра была война». В первые же дни войны по всей стране бывшие выпускники начали осаждать военкоматы. В начале войны их не брали из-за возраста, на фронт призывали рожденных в 1905-18 годах. Но они все равно шли добровольцами, ибо защита Родины для них стала высшей целью. И теперь вдумаясь: большинство выпускников «огненного выпуска» 1941 года не вернулись с войны.

Воскресный день 22 июня 1941 года в нашем городе был теплым и праздничным. В центре города на Советской площади, ныне площади Минина и Пожарского, толпились люди, ожидая финал мотокросса и парусной гонки Чкаловск – Горький, посвященной четвертой годовщине беспосадочного перелета через Северный полюс. Площадь была украшена плакатами, на ней установили трибуну. В газете «Горьковская коммуна», подписанной в печать накануне вечером, - мирные повседневные новости: сенокос, производственные рекорды, та же самая парусная регата.

На Автозаводе был особый праздник – накануне, в субботу, с конвейера сошёл юбилейный мотор. Миллионный мотор! Заводская многотиражка «Автогигант» вышла с броским заголовком через всю газетную полосу: «Есть миллионный мотор!». «Горьковская коммуна» поздравляла автомобилестроителей с большой трудовой победой. По радио шёл концерт по заявкам передовиков производства. Уже с утра на трамвайных и автобусных остановках многолюдно. Одни направлялись в Стригинский бор на массовое гуляние, другие на окский пляж, любители спорта спешили на стадион. Всюду весёлое оживление, радостные лица, музыка. Кто мог подумать, что через считанные часы всё это круто переменится? Кто мог знать, что уже переменялось...

Вскоре после полудня из репродуктора слышались гулкие удары метронома. Они настораживали, заставляли убавить шаг, остановиться. А через мгновение суровая грозная весть всколыхнула и потрясла людей. Она ворвалась в их жизнь коротким и страшным словом: «война!». Разом перевернулся мирный уклад.

Именно по радио через несколько часов после начала войны прозвучало обращение к советскому народу с призывом встать на защиту Отечества, в этот же день вышел экстренный выпуск газеты «Горьковская коммуна».

Нельзя сказать, что это было совершенной неожиданностью.

1 сентября 1939 года (в день нападения Германии на Польшу) в СССР был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», который расширил возможности комплектования государством армии по сравнению с ранее установленным порядком. Призыву на военную службу теперь подлежали граждане СССР без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения. Ранее «нетрудовые элементы» - дети купцов, священников, дворян, казаков и т.д., зачислялись в тыловое ополчение и должны были обслуживать оборону страны. Был снижен призывной возраст с 21 года до 19 лет (для выпускников средних школ – до 18 лет), увеличена продолжительность службы, поднят возраст военнообязанных в запасе с 40 до 50 лет. Это давало возможность комплектовать армию более обученными кадрами и увеличить ее численность. В школах вводилась обязательная начальная военная подготовка (с 5 по 7 классы) и допризывная подготовка (с 8 по 10 классы).

Очевидцы вспоминали, что накануне войны обстановка Горьком была тревожной. С Московского вокзала на запад почти непрерывно двигались эшелоны с войсками и техникой. Усилилась идеологическая работа среди молодежи по воспитанию патриотизма. Значительно выросла оборонная добровольная организация Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Появились кружки, в которых изучались стрелковое дело, противовоздушная и противохимическая оборона, создавали группы самозащиты на предприятиях и в учреждениях. Организации Красного Креста активно готовили санитаров, медицинских сестер запаса, сандружинников.

Люди предчувствовали висящую в воздухе грозу, надвигающуюся беду. Профессор Горьковского педагогического института Николай Михайлович Добротвор в своем дневнике писал: «19 июня. Четверг. Горький.

Отпуск приближается. Но как, куда ехать. События нарастают. Очень пахнет войной, можно сказать, разразится на днях. А так хочется отдохнуть. Устал чрезвычайно.

20 июня. Пятница.

Крутится, вертится жизнь. Нет сейчас в ней устойчивой точки. Завтра же могут быть такие изменения, которые все сломают, взорвут любовь, посеют ненависть, разрушат надежды, раздавят цветы радости. Все придет в оболочке неожиданностей. Это – не пессимизм, это констатация того, что есть.»

Накануне войны ни один из городов Советского Союза не мог сравниться с Горьким по количеству строящихся объектов и по размаху строительства. Производилось и техническое переоснащение старых производств. Конечно, здесь выпускали и мирную продукцию, но в начале 1941 г. из 194 предприятий Горьковской области 44 уже работали «на оборону». Годом ранее вышел указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (седьмой день на рабочей неделе – выходной день в воскресенье, до этого указа рабочий день был 7-часовым). Предусматривались наказания за прогулы без уважительной причины, а за самовольный уход с одного предприятия на другое был установлен тюремный срок.

Все это были предвестники войны.

И все же пока еще шла мирная жизнь – в Горьком решали вопросы по уборке мусора и улучшению качества городских бань. В апреле-мае 1941 года перед горьковчанами выступал с «психологическими опытами» Вольф Мессинг, приезжала актриса Рина Зеленая, поэтесса Агния Барто, иллюзионист Эмиль Кио.

И вдруг – война. Люди стали собираться на митинги. На Автозаводе из Соцгорода, Стригинского бора, с окского пляжа к проходным автозавода устремился людской поток. Несмотря на воскресный день, автозаводцы шли на свои участки, к своим станкам, рабочим местам.

Волной прокатились по цехам и отделам многолюдные митинги. Объединяло заводчан одно: «Все, как один, на защиту Родины!», «Разгромим фашистских агрессоров!»

Часом позже на площади у главной проходной состоялся общезаводской митинг. Один за другим поднимались автозаводцы на импровизированную трибуну. Море рук взметнулось над площадью, когда единодушно принималась общая резолюция: «...Мы

объявляем себя мобилизованными на защиту нашей любимой Родины и готовы трудиться и бороться, не щадя сил, до полной победы над врагом!»

И тут же в президиум митинга стали поступать первые заявления с просьбой, с требованием немедленно направить их на фронт. Заявления рабочих, написанные на листочках из записных книжек, на бланках нарядов, на уголках утренних газет. Многие участники митингов, сменив праздничную одежду на рабочие спецовки, в тот же день встали к станкам, агрегатам, машинам.

22 июня 1941 года в Горьком в 14 часов на Советской площади (ныне пл. Минина и Пожарского) состоялся общегородской многотысячный митинг, на котором перед собравшимися выступил секретарь Горьковского обкома ВКП(б) И. М. Гурьев. В принятой резолюции говорилось: «Мы, горьковчане, потомки пламенного патриота-нижегородца Кузьмы Минина, клянемся, что отдадим все силы, всю свою энергию, а если потребуется и жизнь для полной победы над фашистскими захватчиками, для полного разгрома германского фашизма...». С этого времени главным лозунгом горьковчан стал: «Все для фронта, все для победы!». Многолюдные митинги и собрания волной прокатились по всей области.

Жизнь в одночасье переменилась.

Как горожане прожили первые дни, недели, месяцы своей новой реальности – об этом мы поговорим на следующей точке.

Точка 2. На проходе к зданию Нижегородской радиолaborатории.

В первые дни войны мало кто в СССР думал, что боевые действия вскоре примут столь драматичный для страны оборот. «И линкоры пойдут, и пехота пойдет!» — пелось в предвоенных песнях. На парадах и в киножурналах люди видели тучи самолетов, грозные стволы сотен орудий и лязгающие гусеницами многобашенные танки. После гражданской войны успело вырасти поколение, не видевшее длительных и серьезных военных конфликтов на территории нашей страны, уверенное в быстрой победе. Молодежь активно записывалась в армию добровольцами, накидывали себе возраст, чтобы попасть на поле боя и не отставать от более старших товарищей.

Настроение народа опять же хорошо отражает дневник профессора Добротвора: *«22 июня. Воскресенье. 1-й день советско-германской войны. Величайший исторический день! В 2 часа дня нарком иностранных дел и зам. Председателя СНК СССР т. Молотов выступил с сообщением. Когда я об этом узнал, то ничего не мог делать, мысль только о войне. Эту войну мы ждали. Она — не неожиданность. И все-таки как-то не верится, что уже война.»*

23 июня. Понедельник. 2-й день советско-германской войны...Опубликована наша первая военная сводка. На фронте от Балтийского до Черного моря мы сдержали натиск германских полчищ. Германские войска заняли 3 селения, углубившись на 10–15 км от границы. Мы сбили 65 немецких самолетов.

24 июня. Вторник. 3-й день войны. Как во сне жизнь. Прямо не верится, что война. Да еще какая! Какой никогда не бывало в мире. Война за социализм, за отстаивание уже построенного социализма. Речь идет о существовании советской власти. У всех полная уверенность, что мы победим. Не можем не победить».

Народ сочинял злободневные анекдоты, в газетах печатались карикатуры на Гитлера. Например такая - Гитлер смотрит на свой портрет и говорит: «Адольф, Адольф, что теперь с нами будет?» А портрет утешает Гитлера: «Ничего особенного. Мы поменяемся местами: меня снимут, а тебя повесят».

По всей стране с 23 июня 1941 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР началась мобилизация. Люди активно являлись на призывные пункты, многие записывались добровольцами.

Конечно, не все горели желанием идти защищать Родину, были и уклонисты. Яркий пример двух рабочих Кулебакского завода имени Кирова. Узнав о надвигающейся мобилизации, член партии и председатель цехового комитета Федоров заявил во всеуслышание: «Завтра иду класть голову». На следующий день он пропал, видимо решив положить ее где-то в другом месте, но не на фронте. А рабочий транспортного цеха Романов вообще отрубил себе на руке два пальца. Уклонистов и дезертиров, бежавших из воинских частей, подвергали уголовному преследованию и судили, применяя наказания вплоть до высшей меры.

Из воспоминаний Н. К. Дёгтевой (директора школ № 149 и №77 г. Горького): *«Конечно, я, девочка четырнадцати лет, не могла себе представить весь ужас разыгравшейся трагедии. Первый раз я это поняла 27 июня, когда из деревни Городищи, Больше-Мурашкинского района, провожали мужчин в армию. Сильные, рослые, здоровые русские мужики уходили на войну, а у каждого трое, четверо, пятеро детей. Жуткий стон стоял в деревне, ни один современный фильм не передает это, плач детей, жен, матерей. Сбор у колхозной конторы, путь от конторы до конца деревни нельзя передать словами, можно только сказать одно — отчаяние. В конце деревни дети, жены, родные вцепились в близких. Жуткий крик военного помог мужчинам уйти в никуда. Вот в этот день я ощутила страх перед войной».*

Ветеринарный врач одного из полков 137-й Бобруйской дивизии Никтополион Набель вспоминал: *«Напряжение отправки нарастало с каждым часом. Мы уезжали четвертым эшелонам, часов в шестнадцать. При погрузке большинство бойцов и командиров прощались со своими родными. Всюду плакали и причитали. На команду «По вагонам!» реагировали далеко не все. Паровоз пыхтел и свистел, призывая к посадке, но проводы продолжались. Наконец, эшелон тронулся и медленно пошел вперед. Со всех сторон к вагонам бегут люди, вскакивают на ходу на подножки. Женщины бегут за эшелонам, многие плачут навзрыд. Такого всеобщего плача я никогда еще не видел, он долго словно висел в воздухе...»*

Тем не менее призыв в целом шел гладко.

Для фронта были нужны не только бойцы, но и лошади, техника – грузовые и легковые автомобили, прицепы, трактора. И если план по призыву выполнялся, то с мобилизацией техники и лошадей дела обстояли гораздо хуже – их не хватало.

Наша страна к началу войны была аграрным государством – 60% населения страны составляли сельские жители. Великая Отечественная война по своей сути была войной урбанизированного германского общества против общества неурбанизированного, войной моторов. В первые месяцы войны фашисты стремительно продвигались вглубь нашей территории на мотоциклах, автомобилях, танках. А у нас сельские парни только-только научились читать и писать, к 1940 году в стране решили проблему начального образования. Для технических военных специальностей сельчане

не имели образования, они пополняли пехоту, которая несла самые масштабные потери. В нашей области много обезлюдевших деревень, а на обелисках в этих деревнях – списки погибших на фронте сельчан, целые семьи...

Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 17.09.1941 г. (высший орган управления страной, создан 30.06.1941 г.) было введено всеобщее обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола от 16 до 50 лет без отрыва от производства по 110-часовой программе. В программе обучения особое внимание уделялось строевой подготовке, овладению винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, противохимической защите, рытью окопов и маскировке, а также тактической подготовке одиночного бойца и отделения. О прохождении всеобщего военнообязанным делалась отметка в военном билете, а допризывникам выдавалось удостоверение. В первую очередь обучали допризывников 1923-1924 г.г. рождения и запасников в возрасте до 45 лет.

Действовали в области и различные добровольные объединения. Большую работу проводили Осоавиахимовские организации, обучавшие военному делу десятки тысяч горьковчан. Физкультурные организации подготовили 173 тысячи лыжников. Областная организация Общества Красного Креста проводила работу по организации донорства, через РОКК готовились тысячи медсестер, сандружинников, санитаров, большинство из которых выехали на фронт.

С первых же дней Великой Отечественной войны на основании решений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 и 25 июня 1941 года о расширении производства боеприпасов, танков и самолетов предприятия Горьковской области в первую очередь получили оборонные заказы, повышенные планы и ускоренные графики их производства.

На момент начала войны в нашей области работало 44 оборонных предприятия, в военное время еще 12 было эвакуировано и остались здесь, например, завод «Гидромаш», Завод имени Петровского. В войну наш город и область - универсальный промышленный район: любую воинскую часть можно было снабдить всем необходимым, начиная с плащ-палаток и валенок и заканчивая бронепоездами и самолетами, у нас производили все.

Наиболее значимой производством в Горьком стал осенью 1941 года, когда началась битва за Москву. Враг в первые месяцы начала войны продвигался очень быстро, и часть промышленности западных районов либо осталась в оккупации, либо находилась в процессе эвакуации на восток. Осенью и зимой 1941 г. дефицит боеприпасов, техники, стрелкового оружия был катастрофическим, дошло до того, что Ставка Верховного главнокомандующего занималась распределением оружия по войскам. В это время главным поставщиком нашей армии для битвы за Москву стал Горький, было своего рода противостояние нашего промышленного района и немецкого Рура. И даже если наше в ускоренном порядке налаженное производство техники, в первую очередь танков, давало не продукцию не самого высокого качества, это была боевая техника, которая шла на фронт.

Активное участие горьковчане принимали в создании фонда обороны страны, который ежедневно пополнялся наличными деньгами, отчислениями от зарплаты и различными ценностями. Так, за три месяца войны трудящиеся города внесли в фонд обороны около 4,5 млн. руб., облигации государственных займов на сумму более 7 млн. руб., а также золото и серебро.

С осени 1941 года в городе заработали приемные пункты, куда горожане несли сдавать теплую одежду и обувь для солдат. В помощь Красной Армии колхозники жертвовали овчину, шерсть, холст, мануфактуру. Из собранных вещей в мастерских было налажено производство шерстяных одеял, меховых жилетов, валенок, полушубков, ватных курток, ушанок и других нужных для фронта вещей.

Как мы видим, в жизни наших предков с 22 июня 1941 года действительно главным было «Все для фронта! Все для Победы!».

Для поддержания патриотизма, осознанности, ответственности огромное значение имеет идеология и информация, недаром СМИ называют четвертой властью, об этом мы с вами поговорим на следующей остановке.

Точка 3. У здания Нижегородской радиолaborатории.

В первые дни войны люди пребывали в состоянии своего рода информационного вакуума. Но чем дальше, тем тревожнее становились вести с фронта. 25 июня скупая сводка Совинформбюро сообщила о прорыве немцев на Вильно. Замалчивание официальными властями реального положения дел на фронте скоро привело к распространению различных слухов, иногда совершенно фантастических. Были отмечены и антисоветские выступления, особенно на селе.

Основная масса населения отреагировала на нехватку информации привычным образом – все бросились создавать свой «стратегический запас» (мука, соль, спички, сахар). В Советской России дефицит был делом привычным, и неудивительно, что наученные горьким опытом граждане сами решили о себе позаботиться. В августе 1941 года были вновь введены продуктовые карточки, которые отменили всего за 5 лет до этого.

В тылу не знали, что реально происходит на фронте в первые дни. Страшный занавес приоткрыл И.В. Сталин в речи 3 июля 1941 г. – «Братья и сестры!...» обратился он к народу, и люди осознали: война будет кровавой.

По-настоящему тревожные дни для глубоких тыловых районов начались в первую неделю июля, когда туда стали прибывать первые беженцы. А потом появились и эшелоны с ранеными. В соответствии с предвоенными мобилизационными планами, тысячи школ, клубов, техникумов и других учреждений по всей стране переоборудовались в госпитали. Именно беженцы и раненые, хотя и в искаженной форме, но все же впервые обрисовали жителям тыла истинное положение дел: отступление по всему фронту, господство германской авиации, огромные потери.

Город Горький практически сразу был объявлен на угрожающем положении. К осени 41 года вермахт должен был выйти на линию А-А (Архангельск – Астрахань), пройдя к Горькому с юга через Рязань, Арзамас.

В сентябре 1941 года немцы вели активное наступление на Москву. Операция «Тайфун» была стремительной, в Вяземском котле погибло более полумиллиона человек, на оборону столицы были направлены курсанты военных училищ и ополченцы. Дорога на столицу оказалась практически открытой. Германские танки с открытыми люками, не встречая сопротивления, как на параде, ехали по шоссе Минск — Москва.

15 октября Госкомитет обороны СССР принял постановление «Об эвакуации столицы СССР из Москвы». В соответствии с документом, подлежали эвакуации в Куйбышев правительство, Генеральный штаб, народные комиссариаты, дипломатические

миссии, заводы, академии. Куйбышев стал запасной столицей, планировалось, что сам Председатель Государственного комитета обороны, возможно, покинет столицу на следующий день.

16 октября немецкие войска были всего в 100 км от столицы. Прозвучавшая по радио в шесть часов утра 16 октября сводка оказалась худшей за всё время войны. Совинформбюро сообщило, что положение на Западном фронте ухудшилось, а гитлеровцы с помощью танков и мотопехоты прорвали оборону на одном из участков. Сообщение заканчивалось роковой фразой: «Немецко-фашистские войска продолжали вводить в бой новые части». Масла в огонь московских страхов подлили и немцы. Они стали сбрасывать на город листовки со словами от лица Адольфа Гитлера: «17 октября буду в Москве».

Утром 16 октября многие столичные предприятия встретили рабочих закрытыми дверями, людям был выдан расчет. Магазины стали распродавать, а то и раздавать товары людям. По Москве пронёсся слух, что враг уже возле города. Именно это и стало сигналом к массовым беспорядкам. Одни ринулись грабить магазины, другие — бежать из города. Вагоновожатые трамваев и троллейбусов, ожидая, что вот-вот из-за перекрестка появятся немецкие танки, решили, что дальше работать не стоит. Одни отправились в депо, другие и вовсе бросали транспорт посреди улицы и убегали домой. В первый и единственный раз в этот день утром не открылись двери московского метрополитена.

Из дневника журналиста Вербицкого: *«Да, 16 октября войдет позорнейшей датой, датой трусости, растерянности и предательства в историю Москвы».*

Руководители главков и предприятий выезжали из города на грузовых машинах со своим домашним скарбом, ценностями и запасами. Тысячи людей бежали на восток по шоссе Энтузиастов на машинах, телегах и велосипедах, многие шли пешком, обвешанные котомками. Были и погромы. Разъяренная толпа опрокидывала автомобили, на которых выезжали их города семьи начальства и грабила их имущество.

Многие москвичи бежали в Горький. Уже 17 октября жители столицы Поволжья стали свидетелями «великого переселения народов». Прибывших людей расселяли, где только было возможно, используя каждый свободный квадратный метр жилья.

Из дневника профессора Добротвора, 17 октября 1941 г.: *«Через Горький идут вереницы автомобилей из Москвы, причем преимущественно взрослые люди, мужчины. Должно быть, руководящий состав: пока преобладают автомобили ЗИС. Нехорошо, что едут немало молодых, здоровых людей в возрасте 25-30 лет».*

Оттуда же: «Вадик говорит мне: «Папа, теперь Москва приехала в Горький. А где же теперь будет Горький? Его совсем не будет?»

В годы войны появилась злая шутка. Спрашивается: «На какой ленточке медаль «За оборону Ленинграда»? Ответ: «На муаровой». «А медаль «За оборону Москвы»? «На драповой!...»

Но И.В. Сталин не покинул столицу, а наоборот, стал чаще появляться на ее улицах, органы НКВД, госбезопасности, пожарной охраны активно пресекали мародерство, ограбления, останавливали проявления паники, в итоге в считанные дни обстановка в Москве стабилизировалась. Колоссальным напряжением сил наступление немцев в первых числах ноября было остановлено. 7 ноября, как и прежде, на Красной

площади состоялся военный парад, участники которого сразу же уходили на передовую линию фронта.

Война – это не только битва войск и противостояние экономик, это еще и информационное сражение.

Мы стоим у здания Нижегородской радиолaborатории, организованной в 1918 г. по указу В.И. Ленина. Здесь работали такие ученые, как В. К. Лебединский, В.В.Татаринov, В.П.Вологдин, М.А.Бонч-Бруевич, О.В. Лосев. Одно время вся набережная носила название Радионабережной (потом переименована в наб. им. Жданова).

Сегодня мы привыкли получать информацию из множества источников – к нашим услугам интернет, телевидение, разнообразные печатные СМИ. В годы войны основным средством массовой информации было радио.

Речь идет, конечно, о коллективных радиоточках. Все личные радиоприемники население обязали сдать в первые же дни войны.

Из воспоминаний автозаводца Ф.Чинченко: *«Предчувствуя хороший отдых, с намерением отметить окончание политехнического института (дипломная защита состоялась в субботу 21 июня) и приобретение к этому дню лучшего (по тем временам) радиоприемника 6-Н-1, мы стали устанавливать на крыше дома антенну. К 11 час. 30 мин., закончив монтаж на крыше, включили радиоприемник и прослушали сообщение о нападении германских войск на нашу страну. ... Через полчаса сообщили по радио, что радиоприемники надо сдать в подвал радиусного дома».*

Это решение было, обусловлено, конечно, не нехваткой радиоприемников у государства. Необходимо было отсеять все нежелательные каналы информации, в первую очередь – вражескую радиопропаганду.

В годы войны пропаганде придавалось огромное значение. Работали лекторские группы, агитационные пункты, печаталась наглядная агитация. Издавались газеты, работали радиоточки на предприятиях, постоянно передавая военные сводки Совинформбюро. В это время произошла кардинальная переориентация всей агитационно-пропагандистской работы.

Декабрь 1941, из приказа начальника Главного политуправления Красной Армии Мехлиса: «Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих. Со всех без исключения военных газет снять в шпигеле этот лозунг и заменить его лозунгом «Смерть фашистским оккупантам!».

Фашистские пропагандисты тоже не сидели сложа руки. 22 июля 1941 года в городе Дзержинске произошел инцидент - заведующий радиоузлом был пьян, и вместо него на дежурство вышла неопытная работница. Она по ошибке и включила в городскую сеть германскую радиопередачу на русском языке. В итоге жители Дзержинска всю ночь слушали сообщения о победах вермахта и безнадежном положении Советского Союза. Работники радиоузла были обвинены «в беспечности и благодушии». НКВД пришлось заняться выявлением последствий: «За последнее время в г. Дзержинске появились носители пораженческих слухов, восхваляющих гитлеризм и жизнь в фашистской Германии». Всего были арестованы девять человек. И это был не единичный случай, когда по небрежности или намеренно просочившаяся фашистская пропаганда приводила к всплеску пораженческих слухов и панических настроений.

В июле 1941 г. горкомы и райкомы партии Горьковской области получили секретное распоряжение «О работе радиоузлов и коллективном слушании радио». Оно запрещало прием каких-либо станций, кроме длинноволновых станций им. Коминтерна и Горьковской РВ-42. На пунктах коллективного слушания выделялись ответственные за организацию слушания, которые лично сами настраивали приемники и все время присутствовали при слушании, не отлучаясь ни на минуту. После каждого слушания приемник опечатывался в отдельной комнате или особом шкафу.

Не менее жесткой была и печатная цензура. Газетам запретили буквально все. Нельзя было напечатать материал о призыве в армию, об эвакуированных, о дефиците, о выпускаемой заводами продукции. В любой обстановке писать надо было только об успехах N-ского завода по выпуску N-ской продукции.

Подвергались цензуре и письма. Цензоры прочитывали всю переписку: и с фронта, и на фронт. За эти годы было доставлено 6 миллиардов писем. Письмо из дома было настоящим праздником для бойцов, и прибытие почты для многих фронтовиков было важнее прибытия полевой кухни.

С первых дней после начала войны стало понятно, что имеющаяся почтовая служба не справляется с поставленной задачей. Сталин даже назвал связь «ахиллесовой пятой», призвав приступить к необходимым изменениям.

В условиях войны решить проблему помогли сами наши враги. Однажды в руки советских солдат попал устав полевой почтовой службы немецких войск. Почтовое дело у гитлеровцев было на высоком уровне, и было бы неправильно не использовать их опыт и у нас. Первоначально были в армии перебои с поставкой снарядов, патронов, боевой техники, а у почтовых служб появился острый дефицит конвертов.

Вышли из положения очень просто: на фронтах от них просто отказались. Их заменили письма-треугольники, которые и стали символом военной почты – простой лист бумаги, сложенный особым образом. Обычный прямоугольный лист сворачивали треугольником, а оставшуюся полоску бумаги вставляли внутрь. На наружной стороне треугольника писали адрес и оставляли чистое место для отметок почтовых служб. Дефицитом на фронте были и чистые листы бумаги, поэтому писали на всем, что имело чистую поверхность: на бланках документов, обрывках плакатов и даже на обрывках упаковок для еды.

На фронте широкую популярность приобрели «письмовики». Лишь немногие солдаты могли грамотно и красиво написать письмо домой, и они обращались к мастерам такого жанра – «письмовикам», которые были почти в каждой части и выручали своих боевых товарищей.

Для армейской почты были созданы исключительные условия. Почтовые отправления доставлялись всеми имеющимися транспортными средствами: почтовыми вагонами, кораблями, самолетами, мотоциклами и даже почтовыми голубями. Фронтальная почта пропусклась без очереди, а почтовые поезда шли без остановок. Ежемесячно на фронт доставлялось более 70 миллионов писем. На каждом письме или открытке ставились штампы «Письмо красноармейца» и «Доставка бесплатно». 6 февраля 1943 года всем военным частям были присвоены новые условные номера. Теперь почтовый адрес состоял всего из пяти цифр: номер войсковой части и полевой почты.

На фронтовые письма не клеили марок, их не заклеивали, так как было известно, что перед тем, как они попадут к родным и близким, их обязательно прочтет военная цензура.

В Горьковской области было создано 17 пунктов военной цензуры, через которые проходила корреспонденция не только от отправителей из нашего региона, но также из Кировской, Ивановской, областей, Удмуртской и Марийской АССР, частично из Архангельской области и Чувашской АССР. Сотрудники этих пунктов вычитывали письма, чтобы не допустить разглашения секретной информации, например, о производстве нового вида вооружения. Они не успевали быстро обрабатывать поступающие письма, особенно долго задерживались письма на национальных языках – цензоры в нашей области знали их только 20, а письма приходили на 40 языках, приходилось их отправлять в другие области. В Горьковский пункт в 1942 году поступало ежедневно свыше 200 000 писем! Иногда они задерживались там на несколько недель, бывало, что письма портились при вскрытии и к адресату уже отправлены быть не могли.

«В массы» отправлены были специально подготовленные лекторы-агитаторы. Но и у них не было ответов на многие вопросы, которые по завершении лекции им подавали в виде анонимных записок. В частности, их спрашивали:

Почему раньше главные враги СССР были капиталисты Англии, Франции и США, теперь, оказывается, что они нам друзья, а враг как раз социалист (пусть и национал-социалист) Гитлер?

Из сказанного вами следует сделать вывод, что наша страна не была подготовлена для войны с таким сильным врагом, хотя знала, что он нарушает всякие договоры?

Почему, зная отношение Гитлера к договорам (сегодня подпишет любую бумажку, а завтра нарушит ее — так примерно вы цитировали Гитлера), мы все же пошли на договор с ним?

Почему, когда ряд важнейших городов взят, мы говорим, что это еще не опасно?

Почему наши по радио сообщают, что немецкая армия сильно истощена, даже в бою сейчас старики участвуют, но все же наши части оставляют города?

Почему же наша армия не продвигается ни на одном из имеющихся у нас фронтов?

Почему армия не готова к войне, нет вооружения и одежды, а готовились все годы?

Из этих вопросов следует, что люди понимали всю серьезность положения на фронте, что видели провал довоенной сталинской внешней политики, подозревали, что причина поражений не только в превосходстве вермахта, но и в ошибках советского руководства.

14 августа 1941 г. немцы заняли Смоленск. Это означало, что положение на фронте гораздо хуже, чем в Первую мировую, когда немцы и близко не подошли к Смоленску. Между тем сводки Совинформбюро, всячески скрывая общее положение дел, раздували мелкие подробности. Реакция слушателей была скептическая: «Ну, опять будут сообщать, что захватили 100 велосипедов».

И все же миллионы человек по всей стране, затаив дыхание, слушали, что последует за словами «От Советского информбюро»...

Не будем забывать, что радио было не только средством пропаганды. В историю спецслужб навсегда войдут «радиоигры», которые вели НКВД и Абвер.

Вот история одной из них под названием «Горьковский Дуэт».

В августе 1942 года в Арзамасе приземлилась группа десантников, выпускников варшавской школы разведчиков - наших пленных бойцов, которых немцы обучили и бросили в тыл Красной армии для получения сведений о городе Горьком. Один из десантников, Семён Калабалин, сам явился в арзамасский отдел НКВД, и сдался. Так началась радиоигра, в которой немцев «кормили» дезинформацией. Сведения, которые передавал Бестужев (позывной Калабалина), подтверждал ещё один агент, участвовавший в параллельной радиоигре. Бестужев ориентировал фашистов на то, что Красная Армия концентрирует войска под Москвой. А на самом деле наши стягивали войска под Сталинград, где 19 ноября 1942 года началось контрнаступление Красной армии.

В своих сообщениях Бестужев не отрицал факта переброски войск на юг, в направлении Сталинграда. Но из его сообщений выходило, что туда движутся лишь незначительные силы, а вот главная переброска сил Красной армии идёт именно на запад. В конце ноября для Бестужева наступил «момент истины». Он передал немцам данные о «важном» военном аэродроме, якобы расположенном близ города Бора. Ради этого чекисты не поленились соорудить на поле, где до войны располагался учебный аэродром ОСОАВИАХИМа, макеты самолётов, деревянные сооружения, изображавшие зенитные установки. Сразу после радиোগраммы над лже-аэродромом появились немецкие самолёты-разведчики. Через несколько дней Калабалину немцы объявили от лица командования вермахта благодарность. А ещё спустя какое-то время вражеские бомбардировщики обрушили на «аэродром» мощный бомбовый удар, буквально перепахав чистое поле...

Таким образом, фашисты не просто клюнули на «дезу» - они окончательно поверили своему агенту, передавшему столь «ценную» информацию. А Калабалин от имени фюрера был награждён «Крестом за военные заслуги» - одной из высших наград нацистской Германии.

Следующим заданием Калабалина было выманить из Варшавы агента-связника, чтобы обновить информацию о Центральной школе Абвера. Агент Бестужев стал жаловаться «хозяевам» на нехватку денег. Поступить куда-то на службу он отказывался – 12-часовой рабочий день не позволит быть на связи, да и риск быть раскрытым возрастает. Он просил передать ему наличные. Немцы медлили с ответом. Тогда агент сообщил, что батареи для рации садятся, нужны новые, иначе связь может прекратиться. С этой целью специалисты КГБ специально глушили слышимость рации, чтобы у противника создалось впечатление о разрядке батарей. В итоге, немцы, наконец сообщили, что высылают связника с деньгами и оборудованием.

Однажды над Дальнеконстантиновским районом появился самолёт «Хейнкель-111», который немцы обычно использовали для заброски диверсантов. Самолёт случайно заметили пятеро работников местного райисполкома, которые ехали в кузове грузового автомобиля. Они же видели, как из самолёта выпрыгнул парашютист. Это был связник, который не стал отсиживаться в лесу, а сразу направился в Горький, где встретил еще

одного агента Варшавской разведшколы, жившего здесь у родни и знакомого с Калабалиным лично. Встреча с Калабалиным привела в итоге к тому, что шпионов повязали, после нескольких месяцев допросов они предстали перед трибуналом и были казнены.

А Калабалин, он же Бестужев, за проявленные мужество и находчивость, за неоценимую помощь действующей армии был награждён орденом Отечественной войны 2-ой степени. Орден ему вручал лично начальник Главного Управления контрразведки Смерш, генерал Виктор Абакумов...

После завершения операции «Горьковский дуэт» Семён Афанасьевич вернулся к педагогической деятельности - педагогом он трудился вплоть до своей кончины в 1972 году. И до самого последнего дня он хранил тайну своей работы во время войны. Включая и то обстоятельство, что имел сразу две награды - и от советского командования, и от гитлеровской Германии.

Всего за годы войны Горьковским управлением НКВД было выявлено и разоблачено более 100 агентов фашистской разведки, в том числе 26 сброшенных в различные районы области на парашютах. Как правило, это были наши военнопленные. Все шпионы получали похожие задания: связываться с антисоветскими элементами, в лесах устанавливать контакт с дезертирами и организовывать вооруженные группы, собирать данные о предприятиях, через вновь завербованных лиц проводить диверсионную работу методом поджогов и взрывов, вести среди населения активную профашистскую агитацию.

Так что не случайно весь Горький был обклеен плакатами: «Не болтай», «Болтун – помощник Гитлера» и т.п. Десятки людей арестовывались НКВД и судились как пособники Гитлера именно за то, что «болтали лишнее».

Умеет хранить свои секреты и наша Верхне-Волжская набережная, об одном из них мы с вами поговорим чуть дальше.

Пункт 4. Проход от НРЛ до усадьбы Сироткина

Возможно, вам кажется, что мы идем сейчас по твердой земле, но это не так. Мы шагаем по крыше бункера – секретного объекта № 74.

15 октября 1941 года из Москвы экстренно эвакуировались высшие партийные, советские и военные учреждения. Готовился к отъезду и сам Сталин.

2 ноября Госкомитет Обороны принял секретное постановление № 945 сс, согласно которому в городах Куйбышеве (Самаре), Сталинграде, Саратове, Ярославле, Горьком и Казани должны были быть возведены надежные бункеры, способные выдержать любую бомбардировку. Требовалось оборудовать запасные КП для командования. «ГКО постановляет построить в перечисленных городах командные пункты — бомбоубежища. Строительство, помимо Куйбышева, производить по типу, принятому для города Горького, с полезной площадью в Горьком — 300 квадратных метров, в Саратове, Ярославле, Казани, Ульяновске, Сталинграде — 200 квадратных метров. К работе приступить с 1 декабря 1941 года и закончить к 20 января 1942 года. Руководство строительством поручить НКВД СССР, а непосредственное выполнение работ

возложить на Метрострой НКПС СССР... На члена ГКО товарища Берия возложить наблюдение за выполнением настоящего постановления».

Судя по датам строительства, меры по сооружению бункера в Горьком к тому времени уже начали предпринимать, видимо, поэтому он и стал эталонным.

28 октября Горьковский городской комитет обороны (ГГКО) принял решение срочно эвакуировать Горьковский художественный музей и Горьковский историко-краеведческий музей. На сборы музейщикам давалась всего неделя. Этого было явно недостаточно для подготовки к переезду их огромных фондов. Но властям срочно понадобились эти здания. Выселили и жилые дома на набережной – без объяснения причин.

В ноябре ГГКО принял постановление «О мероприятиях по строительству спецобъекта», и строительство безотлагательно началось. Были привлечены лучшие специалисты Горького – строители и отделочники (драпировщики, столяры-краснодеревщики).

Целых три бункера (в том числе один запасной) было спешно и скрыто возведено под Верхне-Волжской набережной. Старший научный сотрудник Нижегородского архитектурно-строительного института С. Краснов вспоминал: *«Основное убежище покоилось под роскошным зданием купца-пароходчика Рукавишникова. Очевидцы вспоминают, что это укрытие было шедевром не только в инженерном смысле, но и в плане маскировки. Чего стоили одни ситцевые занавесочки на симитированных окнах - их так любили высочайшие чины! На много десятков метров (высота знаменитого Нижегородского откоса 70-100 м) работал подъемник-лифт, в котором вполне умещался автомобиль. В случае опасности обитатели бункера могли беспрепятственно спуститься к Волге и продолжить свой путь по воде...»*.

Меньше, чем через год, в сентябре 1942 года спецобъект был принят с оценкой «отлично». Часть домов на набережной осталась занятой под разные службы секретного объекта.

Но на следующий год на Волжском откосе произошло несколько оползней. Извлеченная из штолен огромная масса грунта, рассыпанная у основания откоса, вызвала нарушение существовавшей прежде дренажной системы. Городские власти вынуждены были срочно провести ремонт поврежденной набережной. Стало очевидным: длительная эксплуатация бункера невозможна.

16 июня 1945 года секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов направил телеграмму Л.П. Берия, в которой говорилось: *«Убежища штоленного типа, построенные в Волжском откосе города Горького, имеют деревянные несущие конструкции и находятся в аварийном состоянии, т. к. большинство элементов конструкций поражены грибком, а некоторые рамы деформированы. Участок откоса, в котором расположены убежища, является старым оползневым, и, вследствие того что выемка грунта из штолен нарушила режим грунтовых вод в откосе, имеет место наличие трещин, что может отразиться как на устойчивости откоса, так и на зданиях, находящихся на бровке откоса. Обследования специалистами подтверждают необходимость замены в убежищах деревянных конструкций железобетонными или ликвидации указанных убежищ путем их засыпки...»* Областная власть просила разрешить ликвидацию убежищ, дать указание об отпуске материалов для заполнения

пустот и укрепления откоса. Вынутый грунт перемещали обратно в штольни. Для ликвидации секретного объекта пришлось проделать огромную работу.

До 60-х годов еще существовала вентиляционная конструкция бункера возле бывшего кафе «Чайка» («Тиффани»). Потом убрали и ее.

Аналогичный «спецобъект» в Самаре в целости сохранился до наших дней, сейчас там находится музей гражданской обороны и его можно посетить с экскурсией.

А что происходило с горьковскими музеями, которые выселили с набережной, с другими учреждениями культуры города? Пойдемте дальше и поговорим об этом!

Пункт 4. НГХМ - Усадьба Сироткина

Мы находимся перед зданием особняка городского головы Сироткина, в котором располагается один из филиалов Нижегородского Государственного Художественного музея. Как и многие другие учреждения культуры, он работал и во время войны.

Культурная жизнь в городе не прекращалась даже в самые трудные дни. Более того, можно сказать, что ее значение даже возросло – в беспросветные военные будни люди как никогда нуждались в моральной поддержке, которую больше нигде было получить. Люди посещали музеи, театры, в кино (особое место в годы войны занимала кинохроника). И пусть учреждения культуры в то время представляли собой весьма печальное зрелище - залы и фойе не отапливались, мебель не ремонтировалась, - люди все равно шли туда.

Драматический театр делал упор на патриотические постановки: пьесы на злобу дня, инсценировки по произведениям о Минине, Кутузове, героях 1812 года. В зрительном зале – ни одного свободного места. А в 11-12 часов ночи – ночные концерты, которые тоже собирали полные залы. Помимо местных артистов в них участвовали эвакуированные мастера сцены: Иван Козловский, Мария Миронова и Александр Менакер, Ольга Лепешинская. Концерты проводили ночью, потому что вечером шли спектакли горьковских театров. К тому же это было пожелание зрителей: многие горьковчане заканчивали работу в 9-10 часов вечера – и на вечерние спектакли не успевали. *«Мы просто валились с ног от усталости, но все равно шли в театр, – вспоминает ветеран труда Роза Волкова. – Любили веселые спектакли. Поймите, невозможно четыре года с утра до вечера думать только о смерти, переживать, плакать и грустить. Человек в самых пограничных ситуациях ищет хоть маленькую возможность для отдыха и радости. Вот мы и шли в театр – единственное место праздника в те годы. Я смотрела «Евгения Онегина» и «Руслана и Людмилу», видела красивые костюмы и шикарные декорации. И мечтала! О чем? О новой счастливой мирной жизни, хороших днях и о Победе! А 9 мая 1945 года показывали в нашей драме «Двенадцатую ночь» – самый лучший спектакль в моей жизни! Спасибо актерам и театрам за наши счастливые слезы, за минутки радости, за путешествия в другой прекрасный мир!»*

Работал театр оперы и балета, в зале было холодно и зрители сидели прямо в пальто, а артисты в трико танцевали на ледяной сцене. Огромной популярностью пользовались оперетты – «Цыганский барон», «Сильва», «Марица». В 1942 году в наш город были эвакуированы артисты Минского оперного театра, которые принимали

участие в местных постановках и показывали свои. Особо любили горьковчане вечера белорусского фольклора. Голодные, полубольные, усталые и невыспавшиеся горожане заполняли партер и ложи, долго аплодируя артистам и не желая расходиться по домам до глубокой ночи.

Театр кукол в 1941 году представил горьковчанам две премьеры – спектакль «Павлик Морозов» и детскую сказку «Голубая ворона». Репетиции проводились по вечерам дома у главного режиссера театра. Там же, возможно, рождались и идеи постановок «на злобу дня» - программа «У фашистов в тылу нечисто» и коронный номер «Гитлер и черт» срывали неизменно море аплодисментов. Для этого изготовили специально куклу, имевшую портретное сходство с фюрером. Впервые номер показали в 1942 году, потом еще несколько десятилетий эта кукла хранилась в театре. Программу показывали на заводах, в воинских частях, в госпиталях.

Поход в кино, театр или музей давал людям передышку от тяжелой работы, вселял уверенность, что жизнь вернется в мирное русло. Также нельзя забывать, что учреждения культуры в то время выполняли также функцию пропаганды.

После начала войны Горьковский художественный музей, так же как и краеведческий, сразу бросил все силы на поведение патриотической работы. Уже в июле 1941 года были смонтированы выставки-передвижки «Военное прошлое русского народа» и «Отечественная война 1812 г.». В краеведческом музее были разработаны лекции о борьбе русского народа за свою независимость, построена масштабная выставка «Героизм русского народа». Отдел природы представил выставку «Расовая теория германского фашизма», разоблачавшую идеи расового превосходства.

Усилия музейных работников не пропадали даром. Группа отправлявшихся на фронт бойцов, посмотрев экспонаты музея, пообещала «бить фашистских гадов, чтобы они запомнили, как совать кровавые фашистские лапы в наш советский огород».

Политико-просветительскую работу музеи проводили и на центральных улицах города и даже на городских рынках: в особых витринах монтировали передвижные выставки, освещавшие героические страницы исторического прошлого. Выставки-передвижки работали в госпиталях.

И все же, когда было начато строительство спецобъекта N74, поступило распоряжение в кратчайшие сроки, за неделю, очистить и это здание и вывезти коллекцию музея, так же как и краеведческий музей в особняке Рукавишниковых.

Задача была поставлена непростая - штаты музеев значительно сократились, многие сотрудники ушли на фронт, а ведь предстояло переписать, упаковать, перевезти на новое место сотни тысяч предметов. Нужно было сохранить накопленные ценности!

К декабрю 1941 года в штате музея в усадьбе Рукавишниковых числилось всего 10 сотрудников — пожилые люди и женщины. Им и предстояло в считанные дни эвакуировать бесчисленные музейные сокровища в Тонкино. Но так далеко решили вывозить не все экспонаты. Например, уникальный фарфор из музейной коллекции сотрудники бережно упаковали в сто бочек и под покровом ночи замуровали в подвале Дворца пионеров (ныне Дворец детского творчества им. В. Чкалова). О тайной операции знали единицы. Несмотря на все сложности, десяток сотрудников музея справился. Люди смогли упаковать часть его ценностей в 221 огромный деревянный ящик. Ещё 64 ящика заняла музейная библиотека. Крупные экспонаты вроде мебели, элементов резьбы, макеты решено было оставить на хранение в разных учреждениях в Горьком.

Вагоны с музейными ценностями загнали на запасной путь станции Шахунья, откуда их 50 километров на подводах по тридцатиградусному морозу предстояло везти до Тонкина. Сложность была и в том, что у возчиков подвод, а это были в основном женщины и подростки, не было документов. Директор музея Мария Голубева очень переживала — везти предстояло настоящее культурное наследие. Не дай бог, что-то пропадёт! С кого потом спрашивать? Мария Николаевна положила на честность простых людей, и они не подвели. Всё довезли до места назначения в целости и сохранности.

«Правда, одного из возчиков пришлось ждать с ценным грузом целую неделю. Мужчина простыл на морозе и решил заехать отлежаться в свою родную деревню — с экспонатами, — рассказывал директор Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника Юрий Филиппов. — Мне сложно даже представить, что за эти дни пережила моя предшественница Мария Голубева. Но мужчина всё содержимое подводы привёз и сдал на руки музейщикам».

В эвакуации работникам музея пришлось непросто. Например, когда сотрудники краеведческого музея прибыли в пункт назначения, оказалось, что им выделено старое здание школы-интерната, заготавливать дрова нужно самим, а еще, будучи прикрепленными к местному колхозу, «принимать активное участие в борьбе за высокие урожаи» путем организации всевозможных выставок на сельскохозяйственную тематику. По воспоминаниям, деревенские жители были не слишком рады приезжим из Горького. Якобы даже картошку продавали неохотно. Возможно, сельчане и сами голодали... Для знакомства с местными жителями музейщики подготовили концерт: читали стихи, пели частушки, танцевали, рассказывали про историю края. Тонкинцам концерт очень понравился, и отношения с ними стали более тёплыми.

В 1943 году, когда положение на фронте более-менее стабилизировалось, сотрудникам Горьковского краеведческого музея была дана команда возвращаться. На этот раз подводы из Тонкина до Шахуньи с ценным музейным имуществом тащили коровы, лошадей в сёлах практически не осталось.

В здание усадьбы Рукавишниковых Горьковский краеведческий музей официально вернулся 20 апреля 1943 года. Сотрудники Дома пионеров были крайне удивлены, когда на их глазах из подвала извлекли бесценный клад фарфора в бочках.

Большим огорчением стало для сотрудников художественного музея, что многие экспонаты, оставленные в Горьком (их приняли на хранение городские театры), испорчены. Например, картина академика Н. А. Кошелева «Погребение Христа», намотанная на рулон, лежала под окнами, и вся вода с подоконников стекала прямо на нее. Только в 2014 году тщательно отреставрированная картина вернулась в экспозицию музея, в филиал в Кремле.

Как ни странно, в годы войны собрания музеев даже пополнялись — люди несли ценности, антиквариат в обмен на продпак. А в 1944 году в краеведческом музее появился новый экспонат - неразорвавшиеся немецкие бомбы, весом 250 и 500 кг, сброшенные на город Горький.

Уже после войны в 1946 году командование 49-й армии передало в дар Художественному музею несколько ящиков с наклейками на немецком языке. Внутри оказались бесценные произведения искусства: 143 картины и 8 деревянных скульптур. Эль Греко, Тинторетто, Мане, Дега, Ренуар... Позднее определяют, что все они ранее находились в коллекциях известных венгерских любителей искусства, погибших в

Холокосте. Позже коллекцию перевезли в Москву, там она хранилась до 1996 года под грифом «секретно». Коллекция рассматривалась как компенсация за утраченные в ходе войны отечественные ценности. Но уже в девяностые 15 полотен были возвращены Венгрии по решению российского правительства.

В годы войны главной ролью нашего города было, конечно, производство военной техники и вооружения. Но он стал еще и крупным лечебным центром – здесь размещали госпитали, готовили медицинский персонал для армии, производили лекарства и вакцины.

Пункт 5. Медицинская академия (со стороны пл. Минина, у мемориальных досок)

Мы с Вами стоим у здания Медицинской академии. Ее фасад украшен множеством мемориальных досок, на каждой из которой – имена заслуженных работников медицины. Многие из них трудились здесь именно в годы войны.

5 октября 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «Об организации всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии», и через несколько дней такой комитет был создан в Горьковской области. Создание комитета позволило организовать всемерное содействие госпиталям – в его задачи входили контроль и наблюдение за работой госпиталей, организация шефства над ними, содействие в проведении культурно-просветительской работы среди раненых: организация лекций, докладов, концертов, киносеансов и художественной самодеятельности. За членами комитета закреплялись определенные госпитали, им обычно поручалась проверка приходящих в обком ВКП(б) жалоб на недостатки в работе госпиталей.

С первых же дней войны Горьковской области пришлось принимать и лечить огромное количество раненых. 11 июля 1941 года в Горький прибыл первый военно-санитарный поезд №347. Согласно плану развертывания в Горьковской области эвакуогоспиталей, сначала госпитали планировали создавать на базе больниц, санаториев и домов отдыха. Полагали, что этого хватит - никто не ожидал, что потери окажутся такими большими. Впоследствии пришлось разместить госпитали во многих школах (№ 1, 3, 8, 13, 14), в здании Университета, Филармонии, Дворца труда. В общей сложности в нашей области в годы войны действовал 171, а позже - 175 эвакуогоспиталей, в основном общехирургического профиля, после 1943 года их число стало уменьшаться. Всего было развернуто 72 тыс. коек, на которых лечилось около 500 тыс. раненых.

Первый эвакуогоспиталь №1904 располагался в двух зданиях: госуниверситета на ул. Свердлова (ныне Б. Покровской) и школы в Холодном переулке (школа №14), в нем было развернуто более 1000 коек. Ведущим хирургом был назначен Михаил Вениаминович Колокольцев, в последствие выдающийся хирург-травматолог, профессор, автор уникального изобретения – дерматома для пересадки кожи.

В 1941 году недавно созданный НИИ физиотерапии и курортологии на ул. Гоголя был срочно преобразован в хирургический госпиталь №2799. В 1943 он становится реабилитационным центром для инвалидов Великой Отечественной войны. Так родился известный всем областной неврологический госпиталь ветеранов войн.

Война – всегда серьезный вызов всей медицинской системе и медицинской науке, ведь в условиях очень ограниченных возможностей требуется оказать помощь огромному количеству людей. Приходилось на ходу совершенствовать старые методики и изобретать новые. Так в госпитале в помещении школы 13 (теперь здание НГЛУ), врачи совершали чудеса пластической хирургии - здесь лечились главным образом летчики и танкисты, получившие наряду с пулевыми ранениями еще и ожоги. Одним из таких хирургов был Николай Николаевич Блохин, впоследствии – академик АМН СССР, в непростое военное время он разработал эффективный метод кожной пластики.

Кроме этого, оказывали все виды помощи больным и раненым все существующие тогда медицинские учреждения. Например, созданный Н.Н. Блохиным НИИ травматологии, где сам Николай Николаевич был ведущим хирургом, больница №7, где активно оперировал будущий академик Б.А. Королев, областная больница на ул. Минина.

С первых дней войны Горьковская станция переливания крови стала одним из крупных учреждений РСФСР по снабжению медицинских подразделений армии консервированной кровью. Был сформирован значительный контингент доноров, в области создана сеть пунктов забора донорской крови. Кровь не только заготавливали, но и часто перевозили в Москву. Этим, как правило, занимался тогда молодой ассистент Б.А. Королев. Доноры готовы были по 4-6 часов ждать в очереди в пунктах переливания крови, некоторые сдали кровь более 20 раз, а кузнец автозавода Котов – 27. К концу войны насчитывалось только по городу Горькому 46 тыс. доноров. Кто-то шел сдавать кровь, чтобы помочь армии, кто-то – чтобы получить в награду продпаек: сдавшему от 400 до 500 мл чистой крови полагалось по полкилограмма сливочного масла, сахара, мяса и крупы.

Огромная нагрузка легла на медицинский персонал. Хирурги проводили по 15-16 операций в день, плюс консультации. На каждого врача - 200-250 раненых, на палатную сестру – до 50 раненых, причем во время ночных воздушных тревог надо было на носилках переносить раненых в бомбоубежище и, как только минует опасность, вновь поднимать в палаты.

В усиленном режиме работал Горьковский медицинский институт – в 1941 году прием на первый курс увеличился с 400 до 700 человек. Однако не всех удавалось подготовить к врачебной работе. Кто-то уходил добровольцем на войну, медицинскими сестрами. Большинство же после интенсивной подготовки через 4 года, некоторые 5 лет, получали диплом врача и отправлялись работать по специальности ближе к фронту. В общей сложности с 1941 по 1945 годы Горьковский медицинский институт подготовил 1850 врачей. Для сравнения, за предыдущие 20 лет работы ВУЗ выпустил 1681 врача. Были организованы медсестринские курсы для студенток 2 курса, позволившие им помогать врачам в госпиталях, в том числе и госпитале, развернутом в самом здании института на площади Минина. Здесь преподаватели и студенты лечили раненых и обучались. Обеспечить учебный процесс было не простой задачей, особенно теоретическим кафедрам. Работа в учебных комнатах шла в 3-4 смены. Студенты очень серьезно относились к учебе, готовили себя к врачебной работе на фронте и в тылу.

Преподаватели и ученые ГМИ вели интенсивную лечебную и консультативную работу во всех госпиталях области, там, где нуждались в их знаниях и опыте. Результаты работы анализировались, составлялись и обновлялись клинические рекомендации, разрабатывались новые методики.

Как мы уже говорили, именно в те годы блестящих результатов в пластической хирургии после ранений и ожогов добился Н.Н. Блохин. Преподаватель института, будущий академик Б.А. Королев оперировал в госпитале на базе 5-й больницы и станции переливания крови, изучал вопросы переливания крови и кровезаменителей. Профессор А.И. Кожевников, будучи главным хирургом ряда эвакогоспиталей, разрабатывал методы хирургического лечения при ранениях грудной клетки. Научными разработками при лечении огнестрельных переломов, лечении сепсиса активно занимался известный профессор Е.Л. Березов. Доцент Б.П. Метальников осваивал операции при ранениях органов мочеполовой системы.

Оборонное значение имели разработки кафедр гигиены, микробиологии, инфекционных болезней ГМИ по профилактике инфекционных заболеваний, туберкулеза. Одним из важнейших принципов лечебно-профилактической работы было сочетание специфического лечения с общеукрепляющим (витаминотерапия, физиолечение, лечебная физкультура). Лечебная физкультура, физиолечение доказали свою эффективность в профилактике инвалидности у травматологических пациентов.

Оказывали помощь в разработке новых препаратов и другие ученые. На кафедрах биологии, биохимии, физиологии мединститута совместно с коллегами из университета ГГУ успешно разрабатывали методы получения витаминных экстрактов из растений средней полосы России. Сотрудники кафедры физической химии госуниверситета разработали методику получения наркозного эфира из отходов производства одного из заводов. Первую партию эфира получили в начале 1942 года. Его испытали на кафедре фармакологии Горьковского медицинского института, затем в ряде клиник и госпиталей города Горького и области, и он нашел применение. На химическом факультете университета производили уротропин по заданию Горьковского аптекоуправления и Ветуправления Северо-Западного фронта. Кафедра морфологии и систематики растений госуниверситета осенью 1941 года предложила использовать торфяной мох в качестве перевязочного материала при лечении ран. Это предложение поддерживали лечебные работники. Наркомздрав СССР разрешил применение сфагноума в хирургической практике, были даны указания об организации сбора и заготовки мха.

В нашем городе в военное время функционировали также институт эпидемиологии и микробиологии (сейчас – Нижегородский НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н.И. Блохиной), производивший вакцины и бактериофаги для нужд армии и гражданского населения и готовивший врачей-инфекционистов и лаборантов, и фармзавод, обеспечивавший армию санитарными сумками, аптечками первой помощи и выпускавший экстракты и настойки из трав, серные и цинковые мази для лечения ран, пластыри и таблетки.

Кроме медицинской помощи, госпитали нуждались еще и в хозяйственном обеспечении. Бытовые условия в госпиталях зачастую были ужасными - мест для раненых не хватало, санитарные эшелоны, прибыв в пункт назначения, ждали разгрузки. Не хватало еды, дров, спальных мест, белья. Все это приводило к антисанитарии. Зимой в помещениях зачастую поддерживалась температура не выше +7 °С.

Организация шефства над госпиталями помогала обеспечить их работу. Эшелоны с ранеными, как называли раненых бойцов, прибывали в город постоянно, привозили раненых и речным санитарным транспортом. На разгрузку давалось 4 часа, чтобы транспорт мог вернуться к линии фронта и забрать других раненых. Носильщиков в штате

военных госпиталей не было, помогали жители города. На заводах и в учреждениях были созданы санитарные дружины, их вызывали к подходу санитарного эшелона в любое время суток.

Члены Горьковского областного комитета помощи раненым и больным воинам вместе с общественностью, депутатами регулярно обследовали состояние госпиталей, помогали решать вопрос с ремонтом помещений, медицинскими кадрами, приобретением инвентаря, лекарств, перевязочного материала, продуктов питания и топлива, одежды и посуды. Более 500 заводов, учреждений, организаций и колхозов шефствовали над горьковскими госпиталями. Сормовский торг и несколько цехов завода «Красное Сормово» для подшефного госпиталя построили и оборудовали прачечную, дали основное оборудование: койки, тумбочки, столы, кухонную посуду, шкафы, для красного уголка подарили струнный оркестр. Горьковский автозавод назначил госпиталю № 2790 шефами 13 цехов, каждый цех, отдел помогал, чем мог. Кроме того, администрация завода выделила рентгеновские пленки, писчую бумагу, электролампы, рукавицы, марлю, посуду, железнодорожный цех и автоцех перевезли около 1,5 тыс. кубометров дров, отдел рабочего снабжения перевез и заложил в овощехранилища 46 т овощей. Горьковчане шили и ремонтировали постельное белье, изготавливали для раненых костыли, колхозники привозили продукты, читали раненым лекции и устраивали музыкальные вечера, помогали писать письма, тяжелобольным устраивали читки литературных произведений. Одним из участников шефской самодеятельности завода «Красная Этна» стал молодой Евгений Евстигнеев – будущий народный артист СССР.

При всесторонней помощи со стороны органов власти, коллективов промышленных предприятий, колхозов, общественных организаций, гуманитарной, художественной интеллигенции медицинские работники региона вылечили и вернули на фронт большое число пациентов госпиталей. Более чем 99% пациентов была сохранена жизнь, средний процент выписки бойцов в действующую армию за полные три года работы госпиталей (1942-1944) в области составил 75% раненых воинов, эти показатели были выше общесоюзных.

Кроме лечения раненых и возвращения их в строй, в госпиталях создавались различного рода курсы, кружки, мастерские для тех, кто не мог вернуться в армию. Лечение трудотерапией получило большой размах. Шефствующие предприятия привлекались к оборудованию мастерских и обеспечению их материалами, например, телефонный завод им. Ленина организовал в подшефном госпитале мастерские по обучению вязке и зачистке схемы телефонного аппарата.

В течение 1942 г. в госпиталях области, по неполным данным, было принято на обучение 2608 раненых, окончило полностью курс 1100 человек. Они получили навыки счетоводов для предприятий и колхозов, портных, сапожников, часовых мастеров, шоферов, киномехаников, животноводов, овощеводов... Профтехшколы облсобеса (слесарная, портновская, обувная), артель «Часовая техника», областное управление кинофикации, облсвязь, облоно, предприятия – шефы и ряд других организаций обеспечивали госпитали инструкторами, снабжали кружки необходимыми материалами и учебными пособиями, а также предоставляли бойцам, выходящим из госпиталей места в своих школах для продолжения обучения. Все обученные, оставшиеся после выписки в

Горьковской области, с помощью самих госпиталей, шефов или органов социального обеспечения сразу устраивались на работу.

В госпитале № 1389 было организовано обучение для ослепших бойцов. Самая большая мастерская в госпитале была щеточная. Но самое главное, что люди морально оживали. Они чувствовали себя нужными обществу, кормильцами семьи. Ослепший от раны инженер-химик Проскуряков, когда его обучили читать и писать по Брайлю с благодарностью сказал: *«Спасибо, за все, что для меня сделали. Теперь я снова возвращен к трудовой жизни, знаю, что не буду обузой для общества».*

На 1 сентября 1945 г. в структуры народного хозяйства области было трудоустроено 35682 инвалида Отечественной войны.

С осени 1943 г. в Горьком лечили и немецких военнопленных. Из воспоминаний врача Надежды Васильевны Щуровой: *«Делать нам это было нелегко, зная о зверствах фашизма по отношению к советским военнопленным и мирному населению. Трудно было удерживать свою ненависть к врагу, желание отомстить немцам. Но и в этой праведной ненависти мы оставались людьми, хотя у каждого из нас был личный счет к фашистам, особенно у тех, у кого они расстреляли, замучили и угнали в неметчину родных, близких, сожгли дом. Мы понимали, что это пленные, больные люди. И наш долг – лечить их».*

Труд медиков в годы войны – это настоящий подвиг гуманизма и милосердия, проявление наряду с профессионализмом также высших человеческих качеств.

А летчикам в войну требовались в первую очередь решительность, ненависть к врагу и особенная смелость – подниматься в небо и вести бой, не чувствуя под собой поверхности земли.

Пункт 6. Памятник Чкалову

Каждый третий самолет – истребитель, направлявшийся на фронт, поднимался в небо с аэродрома Завода ГАЗИСО (Горьковский авиационный завод имени Серго Орджоникидзе) – сейчас это авиазавод «Сокол». Город Нижний Новгород – Горький – это не только город речников и автомобилестроителей, но еще и город с богатой историей авиации. Уроженцем нашего города был Петр Николаевич Нестеров, летчик, на заре авиации заложивший основы высшего пилотажа и приемов воздушного боя. «Не мир хочу я удивить, не для забавы иль задора, а вас хочу лишь убедить, что в воздухе везде опора» - шутил летчик про свою идею показать «мертвую петлю» - первую в мире фигуру высшего пилотажа. Его дело продолжил Валерий Чкалов – «воздушный хулиган», как его называли, смелый и рискованный летчик – испытатель, служивший и шеф-пилотом нашего авиазавода. Благодаря освоению высшего пилотажа и приемов воздушного боя, разработанных П.Н. Нестеровым, В.П. Чкаловым, наши летчики чувствовали себя в небе уверенно и совершали боевые подвиги.

Сам Чкалов, уроженец нашей области, неоднократно бывал в Н.Новгороде, был избран депутатом в Верховный Совет от Горьковской области и Чувашии. Отдыхать он любил на Нижегородском откосе. В один из приездов вместе со своим другом скульптором Менделевичем они долго выбирали место для памятника Горькому. Менделевич определил место около Георгиевской башни Кремля. На памятник был

объявлен конкурс и его победителем стал проект Веры Мухиной, после войны она его переработала, и результат – памятник Горькому, который сегодня установлен на площади Горького. Судьба распорядилась так, что на откосе у Кремля был установлен памятник самому Чкалову 19 декабря 1940 года, во вторую годовщину гибели летчика.

Авторы памятника изобразили летчика в момент подготовки к полету. «Горьковская коммуна» в октябре 1941 года опубликовала такие строчки:

«Ты, бронзовый, стоишь на пьедестале
И в небо устремил орлиный взор,
А за тобой немеркнущие дали –
Заволжский ослепительный простор.
И, кажется, в своем оцепенении
Ты наблюдаешь, как идут бои,
Ты видишь, как за родину в сраженьи
Сейчас летят товарищи твои».

Исаак Менделевич – автор скульптуры – получил за памятник Сталинскую премию.

Памятник Чкалову действительно «видел» результат сражения за Родину в нашем горьковском небе. Город Горький, промышленные и транспортные узлы области защищали от фашистских налетов части противовоздушной обороны. Уже в июле 1941 г. начали создаваться зенитно-артиллерийские части, перед которыми ставилась задача по подготовке кадров и охране с воздуха. Был создан Горьковский район ПВО, штабы ПВО, боевые подразделения имели на вооружении радиолокационные установки, зенитные орудия и истребители. 27 июля 1942 года истребитель МиГ-3, пилотируемый летчиком 722-го истребительного авиационного полка ПВО младшим лейтенантом Петром Шавуриным патрулировал воздушное пространство в районе Горького, Павлова и Лыскова. Увидев в небе немецкий самолет-разведчик «Юнкерс-88» (Ju-88D-5), он таранным ударом уничтожил его. Советский пилот благополучно спасся на парашюте. Тем самым, летчик предотвратил бомбовой удар по Горьковскому автозаводу. Обломки "Юнкерса" Ju-88, протараненного Шавуриным, были выставлены для обозрения на главной площади у памятника Чкалову в августе 1942 г. Через пять месяцев он снова протаранит вражеский разведчик и станет единственным советским летчиком, имеющим безусловное подтверждение двух «таранных» побед.

Примеру Петра Шавурина последовал его товарищ лейтенант Борис Табарчук. Когда у него закончились боеприпасы, он пошел на таран. Летчику удалось посадить свой поврежденный самолет, он был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Этой же награды, но посмертно, был удостоен летчик-истребитель Михаил Белоусов, таранивший вражеский бомбардировщик, который стремился прорваться к Горькому. Во время ВОВ 7 летчиков совершили воздушные тараны и повторили подвиг нашего земляка Петра Нестерова.

Мы с вами стоим на верхней площадке гигантской лестницы, которая носит имя В.П. Чкалова. Если вы посмотрите посвященную лестнице статью в Википедии, то поразитесь числу ступеней в ней – там указано, что их 560! Впервые идея постройки лестницы пришла в голову заместителю председателя горисполкома Александру Шульпину еще до войны, ее поддерживал и архитектор С.Л.Агафонов. Проект был чрезвычайно масштабным - с фонтанами и каскадами, скульптурами, вазами, цветниками

- в духе сталинского ампира. Подножие лестницы заканчивалось выходом на мраморные и гранитные ступени, которые спускались прямо к воде, к планируемой Центральной водной станции города. Венчать невероятный ансамбль должен был высеченный из мрамора и распростершийся на холме тридцатиметровый орден Ленина, видный с реки с расстояния в десятки километров. Под орденом было отведено место для мраморных статуй руководителей партии и правительства.

Этот проект так и остался на бумаге. Был разработан другой – более скромный по масштабам и затратам. Неизвестно, какими путями, но Шульпину удалось практически невозможное - получить согласие на выделение огромных денег на строительство. Вероятно, этому во многом способствовал тот факт, что Горькому как крупному промышленному центру тогда выделялись значительные средства на восстановление после немецких бомбардировок. Возможно, выделение финансирования также было связано со спецобъектом № 74 и вызванными им оползнями. Волжский откос надо было срочно укреплять. Работы по строительству лестницы могли частично решить эту проблему. И может быть, не случайно именно архитектор А. А. Яковлев – главный специалист по маскировке спецобъекта №74 - стал заниматься и строительством Чкаловской лестницы.

В 1943 году лестница была заложена в честь победы в Сталинградской битве, финансирование было выделено и в связи с этой победой. Строительство велось долго, по приказу А.Шульпина к работам привлекались даже немецкие военнопленные. Ведь нужно было построить огромное сооружение на высоком крутом холме, пронизанном родниками, да еще и укрепить сам склон! В 1949 году строительство было закончено, при открытии лестница получила название Волжской, в 80-х годах это название было вытеснено народным – Чкаловская.

После окончания строительства выяснилось, что лестница - один из самых дорогостоящих проектов в СССР, затраты на ее строительство составили почти 8 млн. рублей. Шульпина обвинили в растрате народных денег. Конечно, это был повод, а не причина. Его отстранили от должности председателя горисполкома (мэра), исключили из партии и арестовали по гремевшему по всей стране политическому «ленинградскому делу» (было объявлено, что обвиняемые – члены ленинградского обкома и их союзники - намеревались создать Русскую коммунистическую партию в противовес Всесоюзной и начать противостояние с ЦК). Два долгих года Шульпин отбывал срок в Мурманской области. Освободили его и реабилитировали лишь после смерти Сталина. Он мог уехать куда угодно, но предпочел вернуться домой, в Горький.

В 1985 году у основания лестницы установлен катер «Герой». Этот катер, вернее, буксирный тягач, может с полным правом именоваться дедушкой волжского пароходства. Свою службу он начинал еще до революции под именем «Финн», в годы гражданской войны был в составе Волжской военной флотилии, во время Великой Отечественной войны принимал участие в Сталинградском сражении, причем основную часть его экипажа, вместо ушедших на фронт мужчин, составляли девушки-комсомолки.

Самоотверженно работали в годы войны речники г. Горького. На горьковских судоремонтных заводах буксирные суда были превращены в канонерские лодки, которые вошли в состав Волжской военной флотилии, а более 30 пассажирских судов переоборудовали в санитарно-транспортные для перевозки раненых. Волжская военная флотилия начала активные действия в районе Сталинграда 25 июля 1942 г. Речные суда

под непрерывными бомбежками и обстрелами доставляли войска, оружие и боеприпасы, эвакуировали раненых, население и грузы из сражающегося города. За время Сталинградской битвы было перевезено 543 тысячи солдат, гражданского населения, раненых; 30 тысяч единиц техники, 150 тысяч тонн боеприпасов и продовольствия, 380 тысяч тонн нефтепродуктов. Маршал В.И. Чуйков писал: *«Легче семь раз сходить в атаку, чем один раз переправиться через Волгу»*. Именно на переправах работали горьковские речники. Особенно отличились экипажи судов «Память товарища Маркина», «Михаил Калинин», «Парижская коммуна» и других. В ходе Сталинградской битвы флотилия потеряла три бронекатера, противником были потоплены 18 пароходов (в том числе флагман пароходства «Иосиф Сталин») и шесть пассажирских катеров, а также 12 катерных тральщиков и шесть полуглиссеров.

Чтобы скрыть от авианалетов противника водный транспорт – корабли, катера и лодки, их маскировали. На палубах кораблей строили бутафорские деревенские дома и сараи, «сажали» огороды. Для камуфляжа часто использовали камыш и побеги кукурузы, применяли маскировочную окраску и камуфляж. Но немецкие пилоты-разведчики быстро распознавали маскировочную сеть по наличию в ней ненастоящих или увядших растений. Тогда учёные-ботаники разработали технологию консервирования срубленных деревьев и ветвей, которая позволяла надолго сохранять естественный цвет маскировочных материалов.

31 раз за военные годы горьковские речники получали Красные Знамена Государственного Комитета обороны. Это была настоящая боевая часть.

А о том, как формировались воинские части в нашем городе и области, мы поговорим около памятного знака на кремлевской стене.

Пункт 7. Памятный знак на стене Кремля

Этот знак был размещен на стене Кремля 8 мая 1975 года в память о соединениях, сформированных в городе и области в годы войны.

Мобилизация началась по всей стране на следующий день после объявления войны, 23 июня 1945 г. Первоначально под нее подпадали военнообязанные в возрасте от 23 до 36 лет, 1905 – 1918 годов рождения. Юные 20-22 летние призывники уже были в рядах Красной Армии и первыми встретили врага.

Первым днем явки назначалось 23 июня. Сотни тысяч мужчин и женщин получали повестки, являлись в военкоматы, а потом отправлялись в эшелонах на фронт. Абсолютное большинство из них, призванных первыми, уже никогда не вернутся либо возвратятся калеками. Кстати, в СССР воинская обязанность была именно всеобщей, то есть касалась лиц обоего пола, хотя призывали слабый пол гораздо реже.

В городе Горьком было организовано 10 пунктов сбора военнообязанных, по числу районов города. Располагались они в 6 школах, ДК завода № 82, клубе им. Кринова, на стадионах «Водник», «Торпедо». В первый же день войны военкоматы г. Горького поступило 5 486 заявлений, в области – 10 000. Через сборные пункты ежедневно проходило около 800-1000 человек. Подобные пункты создавались во всех районах области.

Уже к 1 августа 1941 года в Горьковской области явились на сборные призывные пункты и были направлены в воинские части 75 292 человека. Это было больше, чем по мобилизационному плану, многие уходили на фронт добровольцами. С августа стали брать призывников до 1923 года рождения.

Родные и близкие провожали мобилизованных на фронт. Зачастую по деревенской традиции устраивали долгие проводы с обилием спиртного — такие прощания растягивались на несколько дней и призывники опаздывали на сборные пункты. В связи с этим Богородский райком партии вообще приказал временно прекратить торговлю спиртным в районе.

На фронт ушел каждый пятый житель Горьковской области - было призвано свыше 822 тысяч человек, а с учетом кадровых военных, находившихся в рядах вооруженных сил к лету 41-го — 884 тысячи.

Нужно отметить, что формирование воинских частей на территории Горьковской области началось задолго до 22 июня 1941 г. По последним данным, в предвоенные и военные годы у нас было сформировано и отправлено на фронт около 100 стрелковых, танковых, механизированных, авиационных и других частей и соединений: управление 3-й Ударной армии, два гвардейских корпуса, 12 стрелковых дивизий, свыше 60 танковых и механизированных бригад, четыре стрелковых бригады, три артиллерийских бригады, две бригады речных кораблей, десятки отдельных полков и батальонов.

О многом нам может рассказать список воинских частей на памятном знаке. Здесь много механизированных и танковых подразделений — и это неслучайно.

В соответствии с приказом от 10.08.1941 г. №0274 к концу августа 1941 г. в нашей области был сформирован Горьковский учебный автобронетанковый центр (ГУАБТЦ). В начальный, наиболее напряженный период Великой Отечественной войны он стал одной из главных кузниц кадров советских танковых и механизированных частей. В стране были сформированы и другие аналогичные центры: Московский, Ленинградский, Харьковский, Сталинградский и Челябинский. Дислокация УАБТЦ соответствовала размещению танковых заводов. В их состав вошли ранее созданные ОУТБ (отдельные учебные танковые батальоны) и ОУТР (отдельные учебные танковые роты). УАБТЦ руководили боевой подготовкой ОУТБ и ОУТР, производили отбор в запасных танковых полках командиров и членов экипажей для укомплектования маршевых рот, формирование и обучение новых бронетанковых частей и соединений, получали необходимое для формируемых частей имущество и материальные средства. Появление УАБТЦ способствовало повышению качества обучения и усилению контроля за подготовкой танковых резервов.

ГУАБТЦ до 1943 г. являлся головной организацией, где велась подготовка советских экипажей для бронетехники, поставляемой в СССР по системе ленд-лиза. Помимо подготовки экипажей на англо-американскую бронетехнику, центр занимался и обучением экипажей для советских танков, тем более, что они производились здесь же, в г. Горьком:

Т-34 — на заводе «Красное Сормово» и Т-60 и Т-70 — на Горьковском автозаводе.

Танки американского производства — М4А2 «Шерман» прибывали в Горький весьма некомплектными и с технологическими дефектами. Сейчас сложно сказать — кто и где конкретно «тащил» с боевых машин различные полезные в хозяйстве предметы — советские граждане, испытывавшие жесточайший дефицит всего самого необходимого в

условиях военного времени, матросы союзных конвоев или кто-либо еще; стали ли обнаруженные неисправности следствием технического брака американских предприятий или тяжелых условий доставки северными конвоями. Но в итоге отдел военной приемки иномашин в отчете о техническом состоянии указывает, что с 20 ноября по 28 декабря 1942 г. в Горький прибыло 26 танков «Шерман», при осмотре которых обнаружено, что пушки не закреплены по-походному, обнаружены множественные неисправности, вплоть до трещин двигателя, на всех танках некомплект чехлов, регулировочного инструмента. Доукомплектовывать машины приходилось самой военной приемке. Главным «бичом» центра было несвоевременное получение материальной части формируемыми бригадами и полками, из-за чего не было возможности нормально «сколотить» танковые экипажи и в полной мере на практике обучить их владению своей боевой машиной. Танки поступали в центр за считанные дни до отправки на фронт; известны случаи, когда воинские части отправлялись в действующую армию, имея некомплект бронетехники, а то и вовсе без нее.

Силами центра в общей сложности было отправлено на фронт свыше 60 танковых бригад, около 40 танковых полков и порядка 80 батальонов различного назначения, оснащенных как техникой советского производства, так и английской и американской.

В 1943 г. УАБТЦ был переведен из г. Горького в подмосковный Наро-Фоминск.

Если мы еще раз взглянем на список воинских частей, то заметим, что ни у одной из них нет в названии «Горьковская». По какому принципу давались наименования воинским частям, указаны Бобруйская, Пражская, Белгородская и другие? Названия по географическому признаку давались подразделениям не по месту формирования, а за боевые заслуги.

Вот краткий боевой путь некоторых воинских частей.

118-я стрелковая дивизия (II формирования). Сформирована в 1941 г. на территории Шахунского района. В июле 1942 г. выдвинулась под Ржев и вела на Ржевском направлении боевые действия до середины весны 1943 г., освободив более 200 населенных пунктов и понесла значительные потери.

В районе г. Ржева в 1942 г. появилась «Песня 118-й стрелковой дивизии», автора которой ветераны дивизии не знали.

Как вставало солнце утром рано

Из-за Волги матушки-реки.

От Шахуньи, Горького, Вахтана

Собирались грозные полки.

Мы клялись не отступать в сраженье,

Каждый был решимости готов.

И повел нас в бой комдив Веденин,

И повел нас в бой замкомдив Петров. ...

Враг бежал от нас, теряя каски.

Били мы фашистских псов плеча,

Били так, как Минин и Пожарский,

Мы, потомки славных горьковчан. ...

В апреле 1943 г. преобразована в 85-ю гвардейскую стрелковую дивизию, участвовала в Смоленской наступательной операции, воевала на Оршанском направлении, в Псковской области, первой пересекла в 1944 г. границу Латвии,

освобождала концлагерь Саласпилс, вела бои за Ригу, за что получила наименование «Рижская». За бои в Латвии дивизия получила Орден Красного Знамени. Позже блокировала Курляндскую группировку фашистов, а с 10 мая 1945 г. на своем участке принимала капитуляцию немецких войск.

136-я стрелковая дивизия сформирована в Горьком еще в 1939 г. Участвовала в Советско-финской войне, за что была награждена орденом Ленина. В ходе Великой Отечественной войны воевала на Донбассе и под Ростовом, за образцовое выполнение боевых задач, мужество и героизм в феврале 1942 г. преобразована в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Дивизия участвовала в разгроме противника под Сталинградом. Принимала участие в Курской битве и в освобождении Украины – отличилась в боях за Харьков, за что получила почётное наименование «Харьковская». Дивизия форсировала р. Днестр, сражалась в Польше, форсировала р. Одер и участвовала в Берлинской операции. Была награждена 2 орденами Боевого Красного знамени, орденом Кутузова 2-й степени, а за Пражскую операцию удостоена почетного наименования «Пражская».

137-я стрелковая дивизия сформирована в 1939 году в Арзамасе. В июле 1941 г. вступила в бой восточнее Могилёва, до ноября 41-го трижды побывала в окружении. К тому времени в дивизии оставалось всего 806 активных штыков (по штату военного времени численность стрелковой дивизии составляла почти 14,5 тысяч человек!). Дивизия пополнялась и участвовала в боях в Белоруссии – обороняла Мценск, наступала на Гомель, участвовала в Белорусской стратегической наступательной операции и освобождала Бобруйск, за что и получила почетное наименование «Бобруйская». 28 января 1945 г., прорвав оборону немцев в Восточной Пруссии, вышла к Балтийскому морю, и далее – уничтожала немецкую группировку на своем участке вплоть до конца мая 1945 г. За бои в Восточной Пруссии награждена орденом Суворова II степени.

Сформированные в Горьковской области воинские части действовали на всех направлениях фронта, каждая из них прошла славный боевой путь.

Стоит отметить, что ни в дореволюционной России, ни в СССР не было традиции землячества в воинских частях, когда дивизия или бригада на всем протяжении своего существования пополнялась преимущественно уроженцами одной и той же местности. Поэтому после понесенных на фронте потерь воинские части довольно быстро переставали быть «горьковскими» — пополнение в них поступало из самых разных регионов страны, а сами воины-горьковчане направлялись в произвольные воинские подразделения — куда забросит фронтовая судьба.

Но по мере возможности сформированные в нашем регионе воинские части старались сохранять связь с родными местами — солдаты обращались к властям с просьбами, писали письма на заводы, а жители помогали им с одеждой, питанием, присылали подарки. Вот как писал ст. сержант В.А. Краснов в редакцию газеты «За большевистские колхозы» (Чернухинский район): *«И хотя уже настала наша русская зима, но все мы одеты в теплом белье, ватных брюках, фуфайках, рукавицах, в теплых шерстяных портянках, в битых теплых валенках. Питание наше такое же: получаем достаточную норму хлеба и горячей пищи, вдобавок получаем наше сало, масло, хорошего табачку и всего необходимого. По швам одежды, по запаху пищи читаем мы заботу и труд наших жен и сестер. Вот почему у нас у каждого большое стремление к лучшему выполнению боевой задачи, к большому уничтожению ненавистных врагов.»*

Отдельно необходимо сказать про воинские части, которые формировались по особому призыву – партийному, комсомольскому. Это были так называемые политбойцы. В нашем городе в Автозаводском районе есть улица Политбойцов, названная в их честь. Кто же это такие?

Политбойцы – это добровольцы, комсомольцы и члены ВКП(б), отправленные в действующие фронтовые части в первые месяцы Великой Отечественной войны по специальной партийной мобилизации с целью повышения боеспособности и моральной устойчивости личного состава воинских частей. Всего на фронт в начальный период Великой Отечественной отправилось до 130 тысяч добровольцев-политбойцов, в том числе из Горьковской области — не менее 5685 человек. Эти люди были очень мотивированны, их объединяли в группы и направляли на очень рискованные участки фронта, чтобы поднимать боевой дух войск. Главной их «привилегией» было идти первыми в атаку. Чаще всего политбойцы обладали низкими боевыми навыками и большинство из них погибло в первые месяцы войны.

Многие улицы городов Нижегородской области носят имена наших земляков – Героев Советского Союза. За подвиги в годы Великой Отечественной войны этого звания удостоилось более 500 уроженцев Горьковской области. В общей сложности семеро летчиков-горьковчан совершили тараны в небе войны, восемь воинов из нашей области закрыли своими телами амбразуры вражеских дотов и дзотов. Под страшными пытками в плену врага не выдали военную тайну моряк Евгений Никонов и пехотинец Юрий Смирнов.

7 ноября 1941 года в боях за Севастополь 5 бойцов батальона морской пехоты во главе с горьковчанином политруком Н.Д. Фильченковым вступили в бой с 11 танками противника. В критический момент боя моряки обвязались гранатами и бросились под вражеские танки, уничтожив 10 из них.

Примером массового героизма стал подвиг взвода гвардии лейтенанта П.Н. Широнина, оборонявшего железнодорожный переезд в районе г. Харькова. Пять суток в марте 1943 года 25 гвардейцев сдерживали натиск врага, имевшего 35 танков и бронемашин. Враг не прошел, оставив на поле боя 30 единиц техники и более 100 солдат и офицеров. Все 25 гвардейцев стали Героями Советского Союза, 18 — посмертно, среди них наши земляки - С.Г. Зимин, И.Н. Силаев и А.А. Скворцов.

Беспримерный подвиг совершил горьковчанин гвардии ефрейтор В.А. Митряев. На Курской дуге он, теряя сознание от полученных ран, зажал зубами провода телефонной связи. Ему удалось выжить, и ефрейтор Митряев и в дальнейшем обеспечивал связь под огнем противника при форсировании Днепра, Немана, Вислы, Одера.

Только при форсировании Днепра более 30 горьковчан стали Героями Советского Союза. Два наших земляка стали Героями Советского Союза дважды — это летчики А.В. Ворожейкин и В.Г. Рязанов.

48 горьковчан стали полными кавалерами ордена Славы. В битве за Берлин артиллерию 1-го Белорусского фронта возглавлял горьковчанин, будущий маршал артиллерии Василий Иванович Казаков.

Не очень известный факт – за участие в боевых действиях воины получали денежное довольствие. С первых же дней войны была приведена в действие разработанная специалистами Финансового управления и Госбанка система финансовых

расчётов в армии. А вскоре развернута сеть полевых отделений и полевых касс Госбанка. А к концу года таких учреждений было уже 598.

Воинским частям, идущим на фронт, выдавались так называемые "мобпакеты" - денежные суммы, необходимые для их жизнеобеспечения по прибытии в действующую армию. Каждый советский военнослужащий находился на полном государственном обеспечении - вещевом, продовольственном и денежном довольствии. Размер месячного оклада военнослужащих зависел от должности, рода войск, срока службы.

Денежное довольствие рядового красноармейца носило скорее символический характер: оклад 8 рублей 50 копеек, а с "полевой" надбавкой в 100 процентов - 17 рублей. Проявляя себя на службе, рядовой за три года мог "дорости" до старшего сержанта - старшины с окладом 150 рублей в месяц и 50-процентной надбавкой. Оклады командного состава были выше, например, начальник штаба полка к концу 1942 г. составлял 1300 рублей.

Особо отличившихся военнослужащих представляли к награждению орденами и медалями СССР. Орденосцы получали ежемесячные денежные выплаты. Например, Герою Советского Союза - 50 рублей, кавалеру ордена Ленина - 25 рублей, Красного Знамени - 20 рублей и Красной Звезды - 15 рублей.

Получали оплату и военные техники, и медики. Оклад фельдшера составлял 650 рублей, оружейного техника – 700 рублей.

Для сравнения: летом 1943 года в тылу среднемесячная зарплата рабочих составляла 403 рублей, у работников здравоохранения - 342 рубля, у работников совхозов - 203 рубля.

Кроме того, всем военнослужащим действующей армии выплачивались ежемесячные надбавки (так называемые полевые деньги) к окладу. Были также установлены выплаты за боевые успехи: сбитые самолеты, подбитые танки, уничтоженные корабли.

Несмотря на то, что денежное довольствие выплачивалось регулярно, потратить его военнослужащие в полном объеме не могли, так как необходимым обмундированием и продовольствием их обеспечивали, а торговли в той форме, в какой она существовала в мирной жизни, во фронтовых условиях не существовало. И тогда военнослужащим была предоставлена возможность помогать своим родным и близким в тылу. Деньги с фронта зачастую были единственным источником дохода в семьях, особенно в деревнях, именно они помогали многим семьям выжить в нелегких военных условиях.

Для перевода денег нужно было обратиться в финансовую часть, где солдату выдавали расчетный лист к денежному аттестату. В нем была указана фамилия, имя и отчество солдата или офицера, воинское звание, размер должностного оклада и надбавки за выслугу. Он мог перечислить деньги любому человеку по своему выбору, вне зависимости от степени родства, указав ФИО получателя, его домашний адрес и военный комиссариат, где будут выдаваться наличные. У офицеров с мая 1942 года появились расчетные книжки - документ, при предъявлении которого выплачивали денежное содержание, о чем в ней делались соответствующие отметки. Она упрощала получение денег при переводе в другую воинскую часть или попадании в госпиталь.

Кроме того, полевые учреждения Госбанка СССР на фронте привлекали сбережения военнослужащих во вклады. Документом, подтверждающим факт открытия

военнослужащим счёта в полевой кассе или отделении Госбанка СССР, являлась вкладная книжка. В случае смерти военнослужащего командование части передавало вкладную книжку в ближайшее полевое учреждение Госбанка для исполнения завещательного распоряжения вкладчика - розыска лица, которому завещан вклад. Деньги погибших, оставивших завещательные распоряжения, перечислялись конторам Госбанка на местах для выплаты наследникам, а вклады без завещательных распоряжений и вклады военнослужащих, пропавших без вести, переводили в Управление полевыми учреждениями Госбанка. В его составе был создан специальный отдел для хранения вкладов и розыска их владельцев или наследников.

Многие военнослужащие направляли свои денежные средства в Фонд обороны или в Фонд Красной Армии. Были предусмотрены также выплаты партизанам.

Но не только для передовой формировались боевые части во время войны.

В июле 1941 года в Горьковской области было начато формирование народного ополчения – это были добровольческие военизированные отряды из тех, кто не подлежал первоочередному призыву по мобилизации: военнообязанные и невоеннообязанные рабочие и инженеры, врачи, учителя, работники культуры и искусства, студенты и пенсионеры – лица мужского пола от 17 до 50 лет, способные носить оружие. Заявления подавали и женщины. Организацией таких отрядов занимались партийные комитеты, а запись проводилась в профкомах предприятий и учреждений. В Горьком было сформировано 55 отрядов ополчения общей численностью более 44 тысяч человек в том числе более 16 тысяч женщин. По области в целом в ополчение вступило более 100 тысяч человек. В полках народного ополчения создавались подразделения – стрелковые, артдивизион, роты связи, пулеметные роты, готовились для них медсестры и санитарки, проводилась боевая учеба по утвержденному плану. Многие из ополченцев позже вступили в ряды Красной Армии, воевали в партизанских отрядах, отряд ополченцев из г. Горького участвовал в боях под Москвой.

Горьковская область как крупный промышленный узел с осени 1941 года находилась в сфере активных действий врага. Из добровольцев-горьковчан также создавались истребительные отряды, в задачу которых входила охрана объектов народного хозяйства – промышленных предприятий, железнодорожных сооружений, электростанций, борьба с вражескими десантами и разведывательными группами. Позднее они были переформированы в истребительные батальоны, на ноябрь 1941 г. таких батальонов было по области 74, общей численностью более 12,5 тыс. человек. Батальоны действовали под руководством органов НКВД, они не только боролись с парашютными десантами, диверсантами и шпионами, но и оказывали помощь местным органам НКВД в поддержании общественного порядка, при необходимости – участвовали в боевых действиях и организовывали партизанские отряды. Из истребительных батальонов были сформированы подразделения горьковчан, которые по заданию Западного и Северо-Западного фронтов действовали в Московской, Смоленской, Ленинградской и Псковской областях, 20 бойцов были награждены орденами и медалями. По мере удаления линии фронта на запад к 1944 г. численность истребительных батальонов сократилась, в дальнейшем они были упразднены.

Наверное, одним из главных стимулов взять оружие в руки была забота о будущем нашей страны, желание защитить семьи, детей. Без детей у страны нет будущего. Как жилось в годы войны в нашем городе детям – об этом мы с вами поговорим дальше.

Точка 8. Напротив гимназии.

Мы стоим напротив школы N 1, где в годы войны размещался госпиталь. А где тогда учились дети? Работали вообще школы во время войны? Как жилось тогда маленьким горьковчанам?

Одной из главных проблем была нехватка помещений, так как многие школьные здания были отданы под госпитали, военные училища, штабы, казармы, ремесленные училища, поэтому учебные заведения, остававшиеся в своих зданиях, уплотняли. Дети занимались не только в первую, но и в четвёртую смены. В области — и в пятую. В некоторых классах было по 65 учеников. Многие вспоминали о том, осенью и зимой в учебных помещениях температура достигала нулевой отметки, поэтому чернилницы приходилось брать домой, иначе писать на уроках было нечем - чернила замерзали, а печи в школе затапливали только с приходом учеников. На занятиях сидели прямо в пальто, шапках, а иногда и в варежках, по трое человек за партой. В перемену устраивали «кучу малу, чтобы согреться». Не хватало учебников, не на чем было писать, а подчас и нечем, не было света, и уроки приходилось делать при свете коптилки. Вместо тетрадей использовали подшивки старых газет и писали на их полях.

Многие школьники перестали посещать уроки, особенно после первых налётов фашистской авиации на Горький. Кроме того, дети в тяжёлых военных условиях стали чаще болеть, кто-то оставался с младшими братьями и сёстрами, пока родители день и ночь работали. Кому-то банально не в чем было ходить на уроки, кто-то выстаивал в очередях, чтобы отоварить продуктовые карточки. В школах Горького стали сокращать количество классов, резко упала успеваемость. Ситуацию с всенародным обучением в Горьком надо было спасать. Все горьковские школьники от 8 до 15 лет были взяты на учёт. Учителя и общественники ходили по домам прогульщиков. В большинстве школ, несмотря на огромные трудности с продовольствием, детей кормили. Ученики школы № 25 города Горького вспоминали, что на столе была горячая каша, которую приносили прямо в классы, печенье, конфетка, или яблоко. Вокруг школы разбили грядки, где выращивали капусту и картошку. Особенно нуждающимся школьникам начали выдавать пальто, обувь, костюмы. К концу 1943 года ситуацию в горьковских школах удалось изменить: ученики возвращались, успеваемость росла.

В войну детство заканчивалось в 16 лет. После этого по закону можно привлекать к трудовой повинности, но по факту работать начинали значительно раньше. Многие из ребят получили трудовые книжки гораздо раньше, чем паспорта.

Из книги «Дети войны» Ю.А.Перчикова: *«Рабочих рук не хватало. По решению горкома партии (тогда говорили «временно») на производство привлекались учащиеся 5-6 классов. Они работали по 4 часа. Но дети есть дети. В цех залетели воробьи, и тут ребята как один побросали работу и с криком и хохотом стали ловить птиц. Мастера не ругались, а с грустью смотрели на это «нарушение трудовой дисциплины». Женщины плакали».*

Вчерашние школьники трудились в цехах наравне со взрослыми. Автозаводский паренек Леша Елов, которому в начале войны едва исполнилось 16 лет, пришел на ГАЗ заменить ушедших на фронт отца и старшего брата и стал работать электросварщиком в цехе по сборке корпусов танка Т-70 и самоходной артиллерийской установки СУ-76. Корпуса танков поступали с Выксунского металлургического завода. Как только паровоз

подкатывал платформы к цеху, открывали все ворота, и в огромный корпус врывалась вьюга. Все остатки тепла улетучивались. Холод шел отовсюду, в первую очередь, от промерзших корпусов танков. А в них нужно было спускаться и проводить там сварку. Однажды Леша пришел на смену, а бригады нет. Все слегли: желудок скрутило от недоедания, крупозное воспаление легких от холодной танковой брони, простуда, жар... Он работал один. Дал пять планов... Его личный трудовой рекорд - 536% (!) от нормы. Добиться таких результатов никто из его коллег так и не смог.

Школьники работали не только на заводах, они трудились на торфяных разработках. В перчатках торф собирать было невозможно – делали это голыми руками, которые потом так ломило, что писать было больно. Валили лес, по ночам дежурили на крышах и гасили «зажигалки». Они брали шефство над госпиталями. Ребята читали раненым бойцам книги, писали под диктовку письма их родным. В начале войны были серьезные проблемы с перевязочными материалами, и школьники стирали уже использованные бинты. А ещё в ближайшие леса ребята отрядами ходили на сбор подорожника – медики использовали его в работе. Школьники собирали в лесу и лечебные травы, разные ягоды.

Несмотря на то, что самим порой нечего было есть, горьковские школьники собирали средства для помощи Красной Армии. На всю страну стал известен подвиг автозаводских ребят, которые приняли участие в сборе металлолома на постройку танков для фронта. Благодаря их стараниям танк Т-70 «Автозаводский школьник» и броневедомитель в 1943 году начали свой фронтный путь.

В войну на улицах советских городов появилось много детей-сирот. Правительство знало, что такое детская беспризорность еще со времен гражданской войны, и вновь начинает борьбу с этой бедой. Были организованы детские комнаты милиции. Дети направлялись в детские дома, ремесленные училища, передавались на усыновление и опеку, а с 14 лет – их трудоустраивали на предприятие, где предоставляли места в общежитии. Так они начинали самостоятельную жизнь. К сожалению, многие ребята уже успевали привыкнуть к вольнице и возвращались к нормальной жизни с большим трудом.

Воровством и хулиганством занимались не только беспризорники, но и обычные горьковские подростки. Оставшись без надлежащего надзора, когда отцы ушли на фронт, а матери сутками пропадали на производстве, предоставленные сами себе, они не посещали школу, слонялись по улицам. В городе возросло количество краж и нападений на улицах. Ночью стало страшно выходить из дома, запросто могли раздеть и ограбить каждого, ведь любую мелочь можно было продать или обменять на продукты. Расплодился «фортчонники», как правило, воры-подростки, которые лазили через форточки по квартирам. Особой славой пользовались сенновские «карманники», которые жили в районе площади Сенной. Иногда ребята крали на спор, например, кто больше украдет в трамвае №2, идущем от остановки «Сенная» до остановки «Черный пруд». При этом проигравший, тот, у кого меньше всего оказывалось «трофеев», должен был брать взаймы у своих «товарищей» и угощать всю компанию.

Уголовная ответственность в военные годы начиналась с 14-летнего возраста, но были случаи, когда под суд попадали и 12-летние. Милиция боролась с преступностью, как могла. Даже за небольшую кражу преступники отправлялись в тюрьму на значительный срок.

Для решения подобной проблемы горьковские власти в 1943 году открывают в городе Горьковское суворовское военное училище для детей фронтовиков и сирот. Училище разместили в здании на углу улиц Семашко и Лядова (ныне - Б.Печерская). Устроили классы, спортзал, спальни, столовую, кухню. На территории кремля находились склады училища и клуб.

Кандидатов для поступления отбирали, кроме Горьковской области, в Москве, Ленинграде, Кирове и других городах. На месте им предстояло сдать вступительные экзамены по русскому языку и математике. Требования были высокими, но не всех, кто не сдал, отсеивали. Начальник училища генерал-майор Карп Железников ставил резолюцию у некоторых фамилий: «Откомандировывать нельзя, так как возвращаться некуда, родители погибли». Форму суворовца надели 505 человек, многие из которых сами уже успели повоевать в партизанских отрядах и имели военные награды. Всего за годы работы училища в Горьком блестящее образование получили более 600 мальчишек. В 1956-м его перевели в Москву.

Не меньшей проблемой стала размещение в городе людей, эвакуированных из районов, занятых немцами, или с прифронтовых территорий. Уже с августа 1941 года Горьковская область начала принимать детские дома и интернаты из Москвы, Белорусской ССР, Латвийской и Литовской ССР. Многих детей привозили из детских лагерей, в чем были – в легкой летней одежде, горьковчане осенью 1941 года, которая быстро перешла в морозную зиму, отдавали им свои теплые вещи, швейные артели ускоренно шили ватные костюмы.

В августе 1942 года произошел непредвиденный случай: в Горький пришла телеграмма с просьбой срочно принять детей, экстренно вывезенных с территории Смоленской области. На перроне эшелон встречали врачи и медицинский персонал. Когда открылись двери теплушек, оттуда никто не вышел. Дети были настолько обессилены, что не могли самостоятельно передвигаться. Уже тогда многих пришлось выносить из поезда на носилках. Эти ребята прошли нелегкий путь, прежде чем попали в Горький.

Своим спасением они были обязаны 3 молодым женщинам: учительницам Матрене Вольской и Варваре Поляковой и медсестре Екатерине Громовой, активным членам партизанского отряда, действовавшего на Смоленщине. Летом 1942 года партизаны выяснили, что немцы планируют карательную операцию, которая предусматривает в том числе вывоз детей и подростков в Германию — для работы на промышленных предприятиях Третьего Рейха и в качестве прислуги для арийских господ. Тогда было принято экстренное решение – срочно эвакуировать детей и подростков в советский тыл. Был разработан маршрут длиной около 200 километров через леса, болота и минные поля, определены пункты питания и точки связи. Вести колонну детей поручили Матрёне Вольской, её помощницами назначили Варвару Полякову и Екатерину Громову. Ни одной из девушек на тот момент не было и 25 лет, а 23-летняя Вольская. ко всему прочему, была беременна.

На попечении у них оказалось около полутора тысяч детей. Чтобы хоть как-то управлять огромной колонной, которая растянулась на несколько километров, детей разделили на три группы, во главе которой была одна из девушек. Каждую группу делили на группы поменьше, за которые отвечали ребята постарше, назначали связных, что

позволяло сохранять хоть какой-то порядок. Вольская шла впереди вместе со старшей группой, проверяя дорогу и сохранность маршрута.

Разместив детей на привал, она сама отправлялась на разведку, проверяя безопасность нового пути. По пути к колонне примыкали новые группы детей из окрестных деревень и сел. В какой-то момент детей уже насчитывалось более трёх тысяч! Еды катастрофически не хватало: запасы давно закончились, и детям приходилось питаться тем, что они находили в лесу: ягодами, щавелем, одуванчиками и подорожником. Еще сильнее детей мучала жажда: колодцы в деревнях были отравлены, а в водоёмы немцы складывали трупы, так что пить из них воду тоже было опасно.

Обессиленные дети уже с трудом передвигались, постоянно падали и много плакали. Добравшись до пункта назначения, они вынуждены были ждать еще четыре дня, прежде чем за ними наконец-то приехал поезд. Для детей заготовили 500 кг хлеба, но на более чем трёх тысяч детей этого оказалось очень мало. Тогда красноармейцы пожертвовали 100 кг сухарей, но и это не сильно спасло ситуацию.

Осмотрев спасённых детей, Матрёна поняла, что довести их живыми до Урала, как изначально планировалось, шансов практически нет. Голодные и измученные жаждой ребята начали болеть.

Тогда Вольская стала экстренно рассылать телеграммы в ближайшие города по пути следования. Откликнулся только Горький. В общей сложности спасательная операция длилась с 24 июля по 14 августа 1942 года. Эшелон с эвакуированными постоянно отгоняли на запасные пути, надо было уступать дорогу военным составам. Матрёна Вольская все эти тяжелейшие три недели в эшелоне была с детьми. Точное число ребят, которых Матрёна провела через линию фронта, долгое время оставалось неизвестным. Документов о её подвиге не сохранилось, а сама она никому о нём не рассказывала. Только годы спустя были собраны данные по обрывкам воспоминаний, и в книге «Операция "Дети"», вышедшей в 1986 году, написано, что в акте приемки было отмечено: «Приняли от Вольской 3225 детей». В 2022 году книга была переиздана, а в апреле 2025 года на сцене театра «Вера» состоялась премьера спектакля Операция «Дети», рассказывающая о подвиге трех советских девушек.

Во второй поток эвакуации детских учреждений Горький принимал детей из Ленинграда и Ленинградской области (более 5 тысяч человек). Ребята были так сильно истощены, что даже не могли плакать. Их кормили горячей похлебкой, но не досыта, чтобы не навредить. Многие из них не могли вспомнить свою фамилию и так и остались Неизвестными, Непомнящими, Безродными...

Над детскими домами брали шефство крупные горьковские предприятия. Так было, например, на артиллерийском заводе № 92 им. Сталина (нынешний Нижегородский машиностроительный завод). В 1942 году директор предприятия Амо Елян привез на предприятие спасенных из блокадного Ленинграда детей — 15 человек. Рядом с заводом сотрудники предприятия организовали детдом. Там воспитывались и дети сотрудниц завода, которые сутками не выходили из проходной, пока их мужья были на войне. Для сирот были созданы хорошие по военным временам условия, завод выделял средства на регулярное питание, обеспечивал одеждой, утварью. Была и своя библиотека. Воспитатели охотно и много читали детям, помогали с уроками.

Приходилось детям и вставать к станку. В 1942 году в Горьком оказалась группа детей из Ленинградской области в возрасте от 10 до 13 лет, всего около 80 человек.

Авиационный завод взял их на воспитание. Директор завода решил подключить их к работе, и вскоре на специально сконструированном детском конвейере ребята делали простые детали. Рано повзрослевшие, дети не нуждались в уговорах, работали с полной отдачей, перевыполняя поставленный план. Через год бригада «Дружные ребята» стала второй среди комсомольско-молодежных бригад города.

Но все-таки большинство детских домов было размещено в 24 районах области. Местные жители с особым теплом относились к обездоленным детям. Им приносили кто хлеб, кто овощи, кто мед, кто теплую одежду и валенки. К сожалению, не всех эвакуированных детей удалось выходить. 19 июля 1942 года на станцию Шатки Горьковской железной дороги прибыл поезд с 125 детьми - воспитанниками детского дома № 48 Смольнинского района Ленинграда. В числе этих детей была 12-летняя Таня Савичева, ей единственной из них не удалось вернуться в родной город на Неве — блокада отняла у неё жизнь уже на мирной горьковской земле. Дневник Тани Савичевой, с записями о смертях членов ее семьи во время ленинградской блокады, позже станет одним из доказательств преступлений фашистов против человечества во время Второй мировой войны. Дети по ночам вспоминали пережитое в родных местах, плакали. Воспитатели старались успокоить сирот, прижимали к груди, говорили ласковые слова, всеми силами старались поддержать здоровье, заново научить улыбаться. Для ребят педагоги проводили занятия, игры, в новогодние праздники для детей обязательно проводили елки, дарили конфеты и леденцы из моркови и тыквы, завернутые в яркие фантики. Но детей ничего не радовало, мальчики и девочки все время думали о том, что их родные обязательно отыщутся, и они скоро вернутся домой. Но все же многие ленинградские дети после войны так и остались жить в Горьком, который стал для них вторым домом.

Точка 9. Напротив памятника Минину.

Вторым домом стал Горький и для скульптора Александра Колобова, автора первого памятника Козьме Минину, который появится на современной площади Минина и Пожарского в 1943 году. Надо сказать, что площадь за всю свою историю не раз меняла свое название. Была она Верхнепосадской площадью, затем после строительства Благовещенского собора стала Благовещенской. В 1917 году площадь стала Советской. Ни о каком переименовании площади в честь двух героев нижегородского ополчения и об установке памятника Козьме Минину речь тогда даже не шла. Дело в том, что ни Козьма Минин, ни Дмитрий Михайлович Пожарский особым авторитетом у молодых советских историков не пользовались. Их рассматривали как “пособников Романовых”, один - купец, другой - князь, самое настоящее олицетворение России Романовых. Очень показательным в этом отношении стихотворение советского поэта Джека Алтауэна, который в 1918 году написал следующие строки:

*Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,*

*Их за прилавками
Октябрь застал.*

*Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы подстать.
Подумаешь,
Они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?*

Всё изменилось с началом с началом Великой Отечественной войны. Имена героев прошлого зазвучали как призыв и как надежда: они победили врага, и мы сможем! Вечером 6 ноября 1941 года, выступая на станции метро «Маяковская», И.В.Сталин призывал: «Пусть вас в этой войне вдохновляют героические образы наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова». А в декабре 1941 года «Горьковская коммуна» опубликовала призывные стихи, обращенные к ополченцам:

*Когда, не зная, как с врагом бороться,
Омылась кровью русская земля, -
Встал Минин у высоких стен Кремля
И на борьбу позвал нижегородцев.*

*И вот теперь, по сталинскому зову
Идут опять сограждане мои,
Чтоб увенчать победные бои
Невиданными подвигами снова.*

В 1942 году исполком горсовета постановил переименовать центральную Советскую площадь города в площадь имени Минина и Пожарского. Новые названия получили и две улицы: Университетская стала имени Минина, Полевая – имени Пожарского.

Неудивительно, что горьковчанам очень хотелось видеть на площади героический образ героя. Был объявлен конкурс на лучший проект памятника Козьме Минину. Работ поступило немало, но лучшим признали проект 34-летнего Александра Колобова. Он настолько живо представил, как должен выглядеть народный герой, что успел сделать не только эскиз, но и саму скульптуру из глины. Работа очень впечатлила конкурсную комиссию, и Александр Колобов приступил к созданию монумента. Правдивость образа — вот главное, что удалось скульптору. Он сумел передать внутренний порыв души своего героя, зовущего за собой в бой. Кузьма Минин показывает правой рукой на небо: «С нами Бог!» Пожалуй, именно такой образ нужен был людям. Он внушал уверенность в победе, помогал развеять страх перед будущим, мобилизовать волю для борьбы с врагом. В образе Козьмы Минина был показан оптимистический пример победы русского народа над чужеземными захватчиками.

Открытие памятника должно было стать главным событием празднования годовщины революции. И вот на площади Минина, напротив центральной башни Кремля, строителями были поставлены строительные леса. Незадолго до этого в кинохронике показывали, как в освобожденном от фашистов Краснодаре вешали изменников Родины,

людей, которые сотрудничали с немцами во время оккупации. Для повешения там была изготовлена виселица в виде деревянных ворот. После просмотра этой кинохроники в народе прошел слух, что на воздвигнутых на пл. Минина лесах в нашем городе тоже собираются вешать воров и убийц. Не все знали, что леса построили для установки памятника, и кто-то придумал эту «утку». Толпы зевак съезжались на пл. Минина в течение нескольких дней, чтобы поглазеть на повешение убийц, но повешение так и не состоялось. Потом, когда уже установили памятник, опять родился очередной слух, что преступников будут вешать на указательном пальце правой руки Козьмы Минина, которая получилась непропорционально длинной и многие годы служила горожанам поводом для шуток.

К сожалению, конструкция памятника, а он был создан из железобетона на кирпичном постаменте, была недолговечна и нуждалась в окраске. В 1985 году памятник демонтировали и направили на реконструкцию на родину героя (в те годы считалось, что Минин был выходцем из Балахны). Со старого бетонного памятника сняли копию в кованой меди. Она стоит теперь на площади в Балахне.

Современный бронзовый памятник Козьме Минину появился в 1989 году. Автор его – скульптор Олег Комов. Образ получился совсем другой. Обратите внимание на одежду: на Минине мы видим становой кафтан, а это одежда не простолюдина, а боярская. Право носить такой кафтан Минин мог получить только тогда, когда стал думным дворянином, то есть уже после 1612 года. Более того, даже не все дворяне носили в то время станковые кафтаны. Предположительно, Минин изображён не в момент сбора Нижегородского ополчения, а после свершения великого дела освобождения Москвы от поляков и воцарения Михаила Романова.

Именем Минина в годы войны называли не только площади и улицы, но и военную технику. Именно так был назван бронепоезд, который изготавливался с октября 1941 г. по 21 февраля 1942 г. в г. Горьком и в составе 31-го отдельного особого Горьковского дивизиона броневых поездов дошел до Берлина (памятник ему установлен на улице Июльских дней около ДК железнодорожников).

Главные же образцы военной техники, которая производилась в нашем городе, представлены на постоянно действующей выставке “Горьковчане - фронту!” в нижегородском кремле, куда мы с вами и отправляемся.

Точка 10. Выставка военной техники.

С началом войны первоочередной задачей Горьковского комитета обороны (чрезвычайный орган власти, полномочия которого распространялись на всю Горьковскую область) становится быстрый перевод промышленности города на военные рельсы. Горьковские заводы ГАЗ, «Красное Сормово», авиационный завод им. С. Орджоникидзе, «Теплообменник», «Красная Этна», телевизионный завод им. В.И.Ленина, «Двигатель революции» - вот те предприятия, которые производили оборонную продукцию и получили за свой нелегкий труд правительственные награды. И получили они их не зря. Ведь город Горький в годы войны - это каждый второй грузовик, каждый третий танк и каждый четвертый самолет, треть боеприпасов и половина взрывчатых веществ. Поэтому совершенно оправдано в июле 2020 года Нижний Новгород одним из первых российских городов получил звание Города трудовой доблести. Одновременно с этим событием в нижегородском кремле был открыт памятник скульптора Алексея Щитова, на котором

представлены главные герои тех сложных военных лет. Три фигуры - подросток, женщина и пожилой мужчина - это те, кто ковал Победу в тылу. Пока на фронтах Великой Отечественной сражались около 900 тысяч горьковчан и жителей области, эти люди работали в тылу на грани человеческих возможностей. За всю войну у них было только 2 выходных - 22 июня 1941 года и 9 мая 1945 года.

С началом перехода на военное производство заводы столкнулись с главной проблемой - нехватка кадров. Тысячи горьковчан ушли воевать, а фронт настоятельно требовал все новой продукции. На заводы приходят работать вчерашние домохозяйки. Они заменили мужей и братьев, встали к станкам, упорно овладевали новыми специальностями, сутками не покидали цехов, выполняя военные заказы. Практически не было такой профессии, которую бы не освоили советские женщины. Они стали кузнецами, сталеварами, нагревальщиками, формовщиками.

В годы войны большое развитие получило движение ударников производства: «многостаночников», «двухсотников», «трехсотников» — рабочих, трудившихся на нескольких станках и перевыполнявших в два-три раза установленные нормы. Примером трудового подвига для всей страны стали комсомольско-молодежные фронтовые бригады.

Впервые они были созданы в октябре 1941 года, а одним из инициаторов этого движения стал слесарь-инструментальщик горьковского автозавода Василий Шубин. Он взял на себя обязательства, что его бригада будет выполнять норму 300% в день, а сам лично обещал давать 450% нормы в день. Свои обещания Василий Шубин исполнил с лихвой. Фронтальная бригада давала по две, три и более норм за смену. Ее клич — «Работать за себя и за ушедшего на фронт товарища!» — вскоре повторяли десятки бригад Горьковского автозавода и других предприятий страны. Сам же Василий добился рекордной выработки — 19 октября 1941 года он выполнил 25(!) норм за смену. На лично заработанные деньги Шубин приобрел автомобиль и передал его воинской части, в составе которой воевал его брат Иван. Весь свой сверхплановый заработок, а это более миллиона рублей, бригада перечислила в фонд обороны страны.

Фронт требовал увеличения количества производимой продукции, поэтому многие заводы перешли на круглосуточный график работы. Рабочие спали на выстроенных в красном уголке нарах. Смена могла длиться до 18 часов, а порой трудились сутками. Люди неделями не покидали цехов, уделяя сну по 2 — 4 часа в день.

В первые же дни войны многие молодые специалисты просились у начальства на фронт, но их не отпускали даже после получения повестки. «На фронт и не мечтай. Ты нужен здесь. Здесь, на заводе, твоя передовая линия!» Ребята стремились на фронт, но, кроме несомненного патриотизма, ими двигали и другие соображения: выдержать работу на заводах в таких условиях и темпах мог не каждый.

Как вспоминала 15-летняя девушка, работавшая на авиационном заводе: *“Впервые там я увидела, как люди спят... стоя. Женщины в санитарной комнате, прислонившись к косяку, стенам, изнеможденные от бессонной смены, выходили сомкнуть глаза на пять минут. Уставали ноги, немели руки, перед глазами — вертящаяся фреза”*.

Осенью 1943 года на «Красное Сормово» прибыла за танками большая группа офицеров с фронта. Захотели посмотреть завод. Офицеры зашли в литейный цех. Он был забит отлитыми башнями, деталями танков. Горы шлака и горелой земли поднимались до

самой крыши: не хватало транспорта вывозить. Началась разливка стали. Огненные брызги разлетались вокруг. «Ну как впечатление?» - спросили танкистов. Один из офицеров не выдержал: «Лучше уж на фронте быть, чем в этом аду...». «Здесь тот же фронт», - сказал другой.

Завод “Красное Сормово” не случайно был выбран местом, где начинается производство танков Т-34. Дело в том, что в начале 20-х годов наш сормовский завод выпускает первые отечественные легкие танки, прототипом которых стал трофейный французский легкий танк Рено. Первую боевую машину называли «Борец за свободу товарищ Ленин». Интересно, что в строительстве первого танка принимал участие Михаил Ильич Кошкин — создатель легендарного танка Т-34, который в годы Великой Отечественной войны выпускал завод «Красное Сормово». Он воевал на фронтах Гражданской войны и раненым попал в госпиталь в Нижнем. Там узнал, что в городе будут строить танки и устроился слесарем на завод. “Если бы после той маленькой партии сормовичи продолжали бы собирать танки, я, возможно, остался бы у них надолго...», — писал конструктор в воспоминаниях.

1 июля 1941 года вышло первое постановление Государственного комитета обороны (ГКО) о немедленной организации производства танков Т-34 и боеприпасов, в том числе на судостроительном заводе «Красном Сормове». Коллектив сделал невозможное: за три месяца корабелы научились делать танки, — да такие, что были признаны лучшими боевыми машинами Второй мировой войны. «Тридцатьчетверка прошла всю войну от начала до конца, и не было лучшей боевой машины ни в одной армии. Ни один танк не мог идти с ней в сравнение — ни американский, ни английский, ни немецкий... Как мы благодарны были за нее нашим рабочим, техникам, инженерам!» — писал маршал Советского Союза Иван Конев.

Но танки выпускались не только на заводе “Красное Сормово”. Помимо средних танков на Горьковском автомобильном заводе делали легкие танки Т-60 и Т-70, а впоследствии на их базе самоходно-артиллерийские установки СУ-76. Автомобильная промышленность по сути являлась стратегической отраслью и было совершенно понятно, что с началом войны только автопром сможет наладить массовое производство танков, бронетранспортеров и другой военной техники. Да и без обычных грузовиков было не обойтись.

Перед нами знаменитая газовская “полуторка”, машина, с которой началась история автомобилестроения в нашей стране. Миниатюрный грузовичок грузоподъемностью всего лишь 1,5 тонны стал символом Великой Отечественной войны наряду с танком Т-34 и “Катюшей”.

К началу Великой Отечественной войны Красная Армия и народное хозяйство СССР располагало внушительным автопарком, но потери сказывались, и требовалось максимально форсировать производство грузовых машин всех типов.

Инженеры Горьковского завода пошли предельно простым путем: с полуторки сняли всё лишнее. Не стало ни металлических, ни фанерных дверей, их заменили брезентовые накладки. Крышу заменил тент с небольшим окошком сзади. Крылья гнули из простого кровельного железа, а от одного дворника, одной фары и передних тормозов пришлось отказаться. Кузов теперь откидывался только сзади, а не с трех сторон. Полуторка стала надежной рабочей лошадкой советских военных водителей. Простая и неприхотливая она ходила почти всегда с перегрузом (иногда и с двойным). Историки

подсчитали, что за время войны армейские автомобили перевезли 145 миллионов тонн груза. Для убедительности они предложили представить стену высотой 4 метра и шириной в метр, опоясавшую земной шар.

В военные годы была создана и еще одна интересная модификация – газогенераторный ГАЗ-42, автомобиль с печкой. Почти весь бензин в годы войны доставался танкам, самолетам и военным грузовикам, а в тылугодились автомобили, которые можно было «заправлять» чем угодно – от угольных брикетов до шишек и от сосновых чурок до соломы.

Более 300 тысяч полуторок вместе с нашей армией прошли всю войну, отступая, а затем и наступая, возили раненых, были связными и аэродромными машинами. Работали день и ночь в степях Украины и горах Кавказа, в Заполярье, а затем и в Европе. Но самое главное – они перевезли в годы блокады Ленинграда сотни тысяч тонн военных грузов и продовольствия по льду Ладожского озера, по Дороге жизни. Дорога в блокадный Ленинград была открыта 22 ноября 1941 года. Перед этим была проведена огромная работа разведчиков, гидрологов, дорожников, чтобы лучше понять суровый характер Ладоги, внимательно выслушивали рассказы рыбаков и старожилов о норове озера. Главная проблема Ладоги заключалась в том, что лед имеет свойство тороситься, т.е. под сильным давлением образуются огромные нагромождения обломков льда, и к этому тоже надо было готовиться. На озере свирепствовали штормовые ветры, доходившие до 9-12 баллов, метели. В первый день на Дорогу жизни вышло 60 машин, каждая из которых везла по 6 мешков муки в осажденный город. И это было только начало. С каждым днем завоз продовольствия превышал расход. И хотя запас муки в Ленинграде был еще крайне мал, решено было с 25 декабря увеличить паек на 100 грамм.

Ленинградцы не забыли об этом, поэтому сейчас под Волховом, там, где в годы войны и проходила легендарная Дорога жизни, стоит памятник: бетонная машина над краем прервавшейся дороги...

Полutorка проявляла фантастическую живучесть и ремонтпригодность и отвечала требованиям военного времени. Шоферы, рассказывая о войне, часто упоминают, что там, где немецкие или французские трофейные грузовики увязали, не в силах были справиться с разбитыми фронтовыми дорогами, наш ГАЗ-АА бодро проползал, показывая боевой характер.

На ГАЗе производили не только грузовики. Перед вами первый советский внедорожник, машина повышенной проходимости, над созданием которой на ГАЗе работал конструктор Виталий Грачев. Машина с 4 ведущими колесами с легкостью проезжала по глубоким колеям, залитым водой, и канавам, по песку и заболоченным лугам и даже совершенно спокойно взбиралась по... лестнице. Первый советский джип, кузов которого был очень упрощенной конструкции, не имевший ни крыши, ни дверей, был очень неприхотлив и мог работать даже на низкосортном топливе. Единственный минус - управление этой машиной требовало большой физической силы.

С началом войны особенно актуальной становится идея создания легкового пулеметного бронеавтомобиля, БА-64. Послевоенный анализ покажет, что горьковский бронеавтомобиль превзошел все ранее существовавшие отечественные и воевавшие немецкие броневики. Он был намного легче и компактнее их. Семейство горьковских бронеавтомобилей росло стремительно. Возникла необходимость поставить бронеавтомобиль на рельсы, чтобы он охранял бронепоезда и вел разведку на местности.

Поставили! Потом решено было заменить пулемет на более крупный, способный пробивать броню вражеских машин и поражать самолеты на средних высотах. Заменили! Дальше построили специальный бронеавтомобиль для зимних боев, для чего снабдили его лыжно-гусеничным двигателем. Вот такие уникальные вездеходы производились на нашем автомобильном заводе в военные годы.

Но все же главной целью завода было освоить в максимально кратчайшие сроки производство легких танков Т-60, а впоследствии и Т-70. Срочно наладить производство боеготовой техники ГАЗу пришлось в октябре 1941-го, когда фашистские войска уже находились на подступах к Москве. На ГАЗе начинается сборка легкого танка Т-60, а сам ГАЗ на рубеже 1941-1942 годов превращается в главный танковый завод всей страны. Легкие танки было значительно дешевле создавать, с ними проще работать, ведь они не требуют мощных подъемных механизмов или тягачей для транспортировки, поэтому их выпускали в большом количестве. В сентябре 1941 года из Москвы в Горький приезжает главный конструктор московского танкового завода № 37 Николай Астров, именно он был разработчиком нового танка Т-60, уже принятого на вооружение. И приезжает прямо на танке Т-60, преодолев путь всего за 14 часов. У специалистов не было возможности дожидаться, когда в Горький передадут всю техническую документацию, которая, впрочем, все еще дорабатывалась. Поэтому Н. А. Астров решил продемонстрировать конструкторам машину «живьем». Именно Николай Александрович с первого дня курировал проект освоения производства. Он стал на Горьковском автомобильном заместителем главного конструктора по танкостроению.

Созданный в Москве «на скорую руку» легкий танк Т-60 оказался во всех отношениях крайне «сырым». Под руководством главного конструктора ГАЗа А. А. Липгарта и Н. А. Астрова специалисты завода внесли существенные изменения в конструкцию Т-60. Липгарт и Астров работали над сложной задачей - как можно быстрее перестроить автомобильное производство на производство танков, состыковать предложенную технологию с уже действующим оборудованием, скорректировать конструкцию компонентов танка - эта непростая задача, на выполнение которой в мирное время понадобились бы месяцы, была решена в считанные дни. Впервые в практике отечественного танкостроения была введена конвейерная сборка танков!

В 1941 году именно легкие танки стали основой советских танковых войск и в первых рядах ринулись навстречу немецкой бронированной техники. «Неистребимая саранча», так называли этот танк немцы. Легкий, маневренный, он был рассчитан на борьбу с легко бронированными целями, уничтожение пулеметных точек и живой силы неприятеля. Эти машины участвовали в обороне Москвы, при прорыве блокады Ленинграда, преодолевали Синявинские болота. На базе Т-60 инженеры автозавода во главе с главным конструктором А. А. Липгартом и Н. Астровым создали новый лёгкий танк Т-70. От своего предшественника он отличался утолщенной броней и большим калибром пушки. А впоследствии именно эти танки стали основой для самоходной артиллерийской установки с 76-миллиметровым орудием. Самоходки были оружием наступления, они сопровождали пехоту, были очень маневренными по сравнению с тяжелыми вражескими «тиграми». Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский скажет впоследствии о СУ-76: «Особенно полюбили солдатам самоходные артиллерийские установки СУ-76, Эти легкие, подвижные машины поспевали всюду, чтобы выручить пехотинцев, а

пехотинцы, в свою очередь готовы были грудью заслонить их от огня вражеских бронебойщиков”.

На оборону работали не только конструкторы, инженеры и простые рабочие, но и ученые. Одним из них был Сергей Сергеевич Четвериков, заведующий кафедрой генетики горьковского университета, а затем и декан биофака. Еще до войны он получает правительственное задание: приспособить к жизни в средней полосе нежную гусеницу дубового шелкопряда, то есть организовать в Горьком селекционный пункт по выведению моновольтинной (одноурожайной) расы китайского дубового шелкопряда. Гусеница этой бабочки при окукливании завивает кокон из длинной и прочной нити, эта нить использовалась для изготовления парашютного шелка. Советская страна, укрепляя свой оборонный потенциал, вынуждена была импортировать этот шелк из Китая и Японии, затрачивая большие средства. Главная проблема заключалась в том, что в условиях нашего холодного климата гусеница шелкопряда зимовать не может. Кафедру генетики биофака преобразуют в кафедру генетики и селекции, а в дубовой роще Кузнечихинского леса на Щелоковском хуторе строят опорный пункт с лабораторией.

Четвериков поставил перед собой две научные задачи: первая – вывести «скороспелую» гусеницу, чтобы оба поколения успевали с вызреванием в короткое лето; вторая – изменить цикл размножения и растянуть его, чтобы до октября шелкопряд приносил только один урожай, а в зиму уходил в стадию личинки или куколки. Выполнение первой задачи он поручил своей ученице, за вторую взялся сам. Работа, как и следовало ожидать, затягивалась. Уже шла война. В результате усилия ученого имели успех и шелкопряд начал приспосабливаться к жизни в средней полосе.

Сезон 1944 года показал, что выведенная порода хорошо приживается даже в суровых условиях Сибири. Гусеницы работали на оборону. С. С. Четверикову удалось реализовать свою научную идею. Новая порода шелкопряда получила название «Горьковская моновольтинная». Вполне можно предположить, что к концу войны наших десантников сбрасывали в тыл врага на парашютах, основу которых составляли шелковые нити, «выработанные» из дубовых листьев Марьиной рощи г. Горького.

С помощью горьковских ученых природа помогала не только фронту, но и обычным людям в тылу. Особенно острым в военные годы был продовольственный вопрос, о котором мы поговорим на следующей остановке.

Точка 11. У Кладовой башни

Мы стоим у Кладовой башни, название которой говорит за себя – в древности она служила местом хранения продовольствия для кремлевского гарнизона. Нижний Новгород знал трудные времена, и кладовые кремля не всегда бывали полны. Но то, с чем пришлось столкнуться в годы войны горьковчанам, оказалось страшнее лишений, которые в прошлые века приходилось переносить их предкам. Масштаб бедствия можно сравнить разве что с голодом Смутного времени.

В августе 1941 года хроническая нехватка хлеба и других продуктов стала ощущаться практически во всех городах Советского Союза. Перебои с продуктами питания обострились еще и из-за большого наплыва эвакуированных и беженцев. При этом на селе не хватало рабочих рук, не был толком убран урожай, замаячила перспектива голода.

С 1 сентября 1941 года в г. Горьком и области были введены карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия, установлены жесткие нормы отпуска в зависимости от категории. Рабочим и инженерно-техническим работникам первой категории полагалось в день по 800 граммов хлеба, служащим – 500 граммов, иждивенцам и детям до 12 лет отпускалось по 400 граммов. Скоро ввели карточки и на другие продукты – мясо, рыбу, крупы, соль. А ведь карточки требовалось еще и отоварить. У заводчан, трудившихся не менее 12 часов в день, не было времени стоять в очередях. Это было дело стариков и детей. Случалось, что карточки у них крали – а ведь потеря карточек для большинства была равносильна голодной смерти. В магазинах стало пропадать продовольствие, а по выданным карточкам сложно было что-то получить. Мизерные нормы на человека на крупу, масло и мясо оставались напечатанными на бумаге. Только хлеб выдавался по карточкам ежедневно. *«Чувство голода возникает где-то внутри, потом уходит и снова возвращается, уже сильнее напоминая о себе, — писал в своем дневнике 9 марта 1942 года автозаводец Иван Иосифович Пермовский. — В прошлом месяце был такой день: норма хлеба была съедена с утра, наступило томительное ожидание следующего дня и спасительных 400 грамм мягкого, душистого ржаного хлеба».*

Хлеб, капуста и картофель — вот основные продукты, которыми питалось большинство городских жителей в годы войны. Такие продукты, как сливочное масло, молоко, мясо и рыба, у горьковчан в годы военного лихолетья считались роскошью. И все же изредка они оказывались на столе.

Жители близлежащих деревень привозили на рынки горох, картофель, муку, лук, мясо, сливочное масло, молоко. Многие рабочие и инженеры горьковских заводов самостоятельно добирались в районы области для того, чтобы купить продукты или выменять их на вещи. Цены на продукты в селах и деревнях были ниже базарных в 5-6 раз.

Тогда местным властям было разрешено параллельно с карточным распределением вести торговлю без карточек по повышенным ценам в так называемых коммерческих магазинах. Неудивительно, что значительная часть хлеба по разным причинам не доходила до прилавков, а «чудесным образом» оказывалась на рынках по баснословным ценам. Стоимость одной буханки сначала дошла до 200–250, а позднее и до 400 рублей. И это при том, что зарплата квалифицированного рабочего на военном заводе составляла 800 рублей в месяц. Конечно, на заводах рабочих кормили в заводских столовых, но скромные обеды работники ГАЗа делили со всей семьей. Конструктор ГАЗа В. А. Грачев вспоминал: *«В это время питание на заводе было отвратительное, так называемое «трехразовое». А по сути — это три тарелки воды, в которых плавали кусочки капусты. И хлеб давали такой, что если его сожмешь, из него капает вода. Нам приходилось сушить этот хлеб».*

Среди населения появились дистрофики. По справке от врача дистрофику выдавались талоны на «усиленное» дополнительное питание, в которое входили тарелка так называемого супа (0,5 литра воды, в которой была ложка рыбной крупы), на второе – стакан соевого суфле, 50 граммов черного хлеба и две таблетки витаминов. Воду из так называемого супа сливали, оставалось где-то полстакана рыбной крупы. Жидкость похожая на клей, т. е. суфле, было настолько невкусная, что, несмотря на голод, его с трудом можно было съесть. Люди пытались улучшить вкусовые качества еды, кипятили

эту клееобразную жидкость, добавляя в нее для запаха ванилин, но от этого суфле лучше не становилось.

Самой страшной и тяжелой за всю войну оказалась зима 1941 года, запасов продовольствия практически не было. Чтобы как-то выжить, весной собирали перезимовавшую картошку, из нее добывали крахмал и пекли лепешки. Начинали расти лопухи, выкапывали корни, сушили их и мололи. Ели крапиву, хвощи, которые называли пестами, клевер — «кашицу», подорожник, лебеду. Ягоды и грибы были настоящим лакомством.

Уже в первую военную весну все пустующие земли в городе были превращены в огороды. Тем, кто не успел занять свободный кусочек земли в городе, выделяли участки. Из воспоминаний П. В. Гордина: *«Отец после смены брал лопату на плечо — и в поле; полуголодный, после кузницы — он копал»*. Виталий Бебихов вспоминал: *«Горожанам во время войны и после неё давали участки в две сотки на (взрослого) человека под картофель. Спорттехникуму, где работала моя мать, — сначала на холме у Щелковского хутора. Участки по очереди сторожили. Мы иногда купались в озере рядом. Картофелину мы резали, на сколько удаётся частей по числу добротных глазков. Сердцевина шла в еду. Землю — целину с большим трудом вскапывали лопатами. Сажали картошку рядами. Окучивали мотыгой. Я ел вкусные и нежные маленькие цветочки ботвы. Урожай был хороший. Осенью на лопате или на двух поднимали куст вместе с землёй. Старались не прозевать ни одной картофелинки, перебирая землю руками.»*

На ГАЗе в сентябре был установлен общевыходной день в связи с уборочными работами на огородах. Современники вспоминали: на улицах района движется огромное количество телег, груженных собранным урожаем. Весь день только и возят картошку с огородов. *«Вся квартира завалена картофелем. В большой комнате картофель, в коридоре картофель, в ванной — картофель.»*

Для того, чтобы вырастить хороший урожай, необходим был качественный посевной материал. При Горьковском сельскохозяйственной институте создается специальная станция по семеноводству овощных культур, где выращивали большое количество семенного материала. Ведется работа над совершенствованием сортов, которые уже получили широкое распространение в стране — лук «Арзамасский», фасоль «Борская», ученые выводят новые сорта томатов «Горьковский 44» и «Окский», сорт чеснока «Горьковский» и даже сорт дыни «Горьковская».

В военные годы по карточкам самыми маленькими были нормы на человека по маслу и жирам. Горьковские ученые начинают продвигать культуру масличного подсолнечника в средней полосе и Горьковской области, внедряют в сельскохозяйственное производство выращивание сахарной свеклы. В учхозе Пригородное и в Ботаническом саду ГГУ в большом количестве выращивают лекарственные растения — камфарного базилика, валерианы лекарственной, наперстянки, ромашки далматской.

В 1942 году после первой тяжелой военной зимы ученые-ботаники выпускают брошюру «Использование в пищу ботвы и заготовка ее впрок». Затем выходит работа «Дикорастущие пищевые растения», которую в народе стали называть книгой рецептов. В ней говорилось, каким образом можно использовать разные растения для приготовления пищи. Желуди, очищенные от кожуры, вымачивались, несколько размалывались, и из

полученной муки пекли лепешки. Книга была очень полезной, но, как оказалось, городские жители были совсем незнакомы с дикорастущими растениями, что привело к большому количеству отравлений. Ученые были вынуждены проводить специальные ознакомительные выставки растений.

Но сложности были не только с питанием. Давайте представим себя на месте горьковчан в первую военную зиму. Итак, в квартире, где вы сейчас живете, из кранов перестала течь вода, притом не только горячая, но и холодная, а канализация замерзла где-то в подвале, радиаторы стали холодными, т. к. вода в них тоже замёрзла, соответственно, отопления не стало. Это произошло зимой, когда стоят лютые морозы, температура воздуха опускается до 30–40 градусов ниже нуля. Выгребные дворовые туалеты перестали чистить, и они также замерзли.

Прекратилась продажа дров (большинство домов в городе в то время отапливалось дровами), керосин тоже выдается по талонам (пищу готовили в основном на керосинках и примусах), не стало древесного угля для самоваров. Из продажи исчезли спички, соль, свечи и мыло. Электричество давали строго по лимиту, да и то отключали то и дело.

Люди были вынуждены покупать самодельные печки-буржуйки, сделанные из кровельного железа. Печку устанавливали прямо в комнате, трубу выводили в проделанное отверстие в печи. На печке-буржуйке готовили пищу, также она обогревала комнату. Быстро нагревалась и быстро остывала, совершенно не удерживая тепло. На топливо для печей пошли заборы, сараи, обшивка домов. К концу войны город остался без заборов и ворот, все было сожжено жителями.

С гигиеной в городе тоже была напряженка. Общественные бани в первую военную зиму не работали, их попросту нечем было топить. Город погряз в антисанитарии, поэтому работа бань и санпропускников, которые в народе называли «вшивобойками», в срочном порядке была налажена и они работали уже без перебоев. Каждый эвакуированный или приехавший на поселение в Горький должен был иметь при себе справку о пройденной санобработке. Чтобы помыться, нужно было отстоять большую очередь, хотя бани работали с раннего утра до позднего вечера. Цена на билет в баню всю войну оставалась прежней, довоенной – 10 копеек. Женщины, когда шли в баню, захватывали из дома мелкое белье, чтобы воспользоваться кипятком для стирки. Учеников школ и ремесленных училищ водили в баню раз в 10 дней, выдавая по крошечному куску хозяйственного мыла. Перед помывкой белье и верхнюю одежду дети сдавали на горячую обработку. Каждый ученик связывал в узел свою одежду, прицеплял металлический номер. Одежду забрасывали в большую металлическую емкость – бак, в котором закрывали и завинчивали двери, пропускали через одежду в нём раскаленный воздух от печей. По окончании помыва здоровенные женщины, обслуживающие санпропускник, вытаскивали длинными крючками узлы с одеждой, от которых шел пар и страшная вонь. Все было раскалено, к бляхам и пуговицам нельзя было прикоснуться, но зато от гнид и вшей не оставалось и следа. Так как мыло исчезло с магазинных полок, жители города приспособились стирать белье щелочью. Для этого золу из печей высыпали в какую-либо емкость, заливали водой, перемешивали, давали отстояться, потом сливали сверху раствор щелочи и в нем стирали.

Несмотря на все бытовые сложности город продолжал жить: люди отмечали дни рождения, собирались компаниями и праздновали Новый год. Для детей это был самый

главный и любимый праздник. На стол накрывали в «складчину». Нина Галай вспоминала, как дети ломали длинные серые макароны, потом мололи их в мясорубке, а матери из этой муки ставили “тесто” и решали, что они будут печь на праздничный стол. Кто-то варил свеклу для салата, кто-то настаивал чай из луковой шелухи с добавками трав и иголок или почек сосны. Затем наряжали ёлку, она всегда была настоящая, потому что после праздника елочные веточки сохранялись и использовались для пополнения организма витаминами. Игрушки в основном были самодельными - бумажные флажки из старых почтовых открыток, цепочки, склеенные из цветной бумаги, игрушки из перегоревших электрических лампочек и яичной скорлупы. Елку обычно наряжали так, чтобы дети увидели ее непосредственно в начале праздника. Из комнаты выносили лишнюю мебель, раздвигали большой стол, покрывая его скатертью с вышивкой ришелье. После угощения пели под гитару, играли с детьми. Когда наступал Новый год, все громко кричали сначала три раза “Победа!”, а потом уже “С Новым Годом!” и желали друг другу, чтобы он стал победным. К детям обязательно приходил Дед Мороз, который дарил им нехитрые подарки - “мармелад” из свеклы, мяты и лугового шиповника, в каждый подарок вкладывалась какая-нибудь мягкая игрушка, сшитая заботливыми руками мам, тетюшек, бабушек или соседок. Именно женщины приняли на себя нелегкую ношу, заменив ушедших на фронт мужчин. Они идут работать на заводах, они обеспечивают всем необходимым семью, они заботятся о детях и пожилых родственниках. Им принадлежит главная заслуга по обеспечению фронта всем необходимым. Об этом мы с вами поговорим на следующей остановке.

Точка 12. На площади перед Заксобранием.

До начала войны процент женщин-домохозяек в СССР был, по нынешним меркам, достаточно высок – около 40% (понятно, что в городах эта цифра была больше, в колхозах - меньше). Это было связано с реальной необходимостью, ведение домашнего хозяйства требовало массы времени и сил. Не стоит забывать, что в 1936 году советское правительство запретило аборт без медицинских показаний, а продолжительность декретного отпуска в 1938 году сократилась до 63 дней.

В военные годы домохозяйки стали исчезать как класс. Женщин призывали заменить ушедших на фронт мужей. Только за первый месяц войны на ГАЗ пришло более 1500 бывших домохозяек. К декабрю 1941 половину рабочих на заводах города и области составляли женщины. На работе не ныли, не плакались на судьбу, потому что видели: всем трудно. И норму выполняли на 150—200 %.

Изнурительная работа в помощь фронту складывалась из многих составных частей: непосредственный труд на заводе, фабрике, в поле, на ферме по 12—16 часов без выходных и отпусков, а также дополнительные работы по заготовке топлива, разгрузке вагонов, на строительных работах. Женщины дежурили в госпиталях, сдавали кровь, а поздно вечером или ночью шили нательное белье для фронта, стирали и ремонтировали обмундирование, изготавливали подарки на фронт, вязали носки и варежки бойцам. Не было отдыха и покоя ни днем ни ночью...

А дома отставались часто без присмотра маленькие дети, которых матери запирали, уходя на работу, и как могли, люди помогали друг другу в присмотре за детьми. В организованный сормовичами детский дом для сирот брали также детей работников

завода, практически круглосуточно стоявших у станков. Заведующая детским садом №5 Ждановского района Н.В. Пузанова вспоминала, что режим работы детского сада перестроили, и матери могли приводить детей к 5-6 часам утра и идти потом на работу, организовывали интернатные группы для круглосуточного пребывания детей.

Страшным испытанием для женщин стало рытье окопов осенью-зимой 1941 года. По плану «Барбаросса», утвержденному Гитлером в секретной директиве 21 от 18 декабря 1940 года, предполагалось завоевание Советского Союза к ноябрю 1941 года. В проекте операции предусматривалось взятие Москвы после того, как войска Германии выйдут к Волге и Оке и будет разгромлен город Горький. В такой сложной обстановке 16 октября 1941 года руководство горьковского обкома ВКП(б) принимает решение о начале строительства оборонительного рубежа по правому берегу Волги и вдоль Оки, а также вокруг Горького и Муром, который тогда входил в состав Горьковской области. Здесь ждали танковую армию Гудериана. Ей предстояло прорваться через Рязань к Мурому, и затем, переправившись через Оку, войти в Арзамасе, и, используя Московское шоссе и автотрассу Горький-Муром, нанести удар с тыла, завершив его захватом Горького. Строительство рубежа приказано было завершить за 2 месяца.

На сооружение окопов мобилизовали 350 тысяч жителей Горьковской области, из них 150 тысяч жителей самого города. В основном это были женщины, не занятые на военном производстве, мужчины, не призванные в армию по состоянию здоровья, студенты ВУЗов и техникумов, а также учащиеся 9-10 классов. На “пространстве русских снегов” при пронзительном ледяном ветре они копали ров, который должен был остановить танки Гудериана. Каждый мобилизованный должен был явиться на сборный пункт тепло одетым и иметь при себе запасную смену белья, полотенце, рукавицы, котелок или миску, кружку, ложку. Желательно было иметь свое орудие труда на выбор лопату, лом, пилу, топор. Оборонительный рубеж - это противотанковые рвы, траншеи глубиной 4 метра, шириной сверху 7 метров, на дне 3 метра, с одной стороны пологий, с другой стороны отвесный, чтобы танк мог легко заехать в окоп и уже не выбраться оттуда. И все это в земле, застывшей до состояния камня. Зима в 1941 году наступила рано, морозы достигали 40 градусов, земля не поддавалась даже лому. Военным саперам приходилось сначала взрывать ее динамитом, а потом уже в ход шли лопаты. На всех танковоопасных направлениях устанавливались бетонные надолбы и противотанковые ежи, сваренные из обрезков рельс, устраивались завалы из больших деревьев, строились ДОТы и ДЗОТы, командные пункты и землянки.

Оборонительный рубеж возводился в обстановке строгой секретности, однако немцы знали о строительстве. Фашистские самолеты, часто устраивая атаки на бреющем полете для устрашения работающих людей, сбрасывали листовки следующего содержания:

«Дорогие гражданочки,
Не ройте ваши ямочки,
Приедут наши таночки,
Зароют ваши ямочки».

Рабочий день на окопах начинался в 7 утра, а заканчивался в 18.00 с часовым перерывом на обед. Окопников расселили в деревенских избах по 5-6 человек - теснота, но хотя бы в тепле. Не всем так повезло, кому-то пришлось ютиться в нетопленных деревянных бараках, где по утрам волосы примерзали к стене. Им приходилось самим

заботиться о своем пропитании. Близлежащие колхозы и совхозы помогали, чем могли. Горячее ели только утром и вечером. Обед заменял замерзший в кармане кусок ржаного хлеба. Он не оттаивал даже у костра.

У многих окопников, особенно у студентов и школьников, обувь была не по сезону, поэтому людям пришлось обувать лапти. Ходить в них было легко и тепло, но многие лаптей никогда не носили, правильно обуть их, чтобы онучи не разматывались, не умели. Взамен лаптей выдавали чесанки с галошами, они были намного тяжелее, а к вечеру ноги раздирали в кровь. Людей одолевали вши, домой, чтобы прожарить одежду в бане, никого не отпускали, и для борьбы с этой заразой ничего не делали. Говорили, что надо терпеть. И все терпели...

1134 км - общая протяженность горьковского рубежа, это больше, чем дорога от Нижнего до Питера и больше, чем расстояние от Москвы до Волгограда. Работы были завершены за 67 дней. Чтобы просто пройти 1134 км с обычной для пешехода скоростью в 5 км\ч по 10 часов в день потребуется 22 дня. За 2 месяца строителями был выполнен грандиозный объем работы - вынута 12 млн кубометров земли. Вес одного кубометра влажного грунта - 2000 кг. Соответственно, чтобы перевезти всю землю, вынутую при строительстве горьковского рубежа, потребовалось бы 2 млн КАМАЗов. Долгое время об этом строительстве почти ничего не было известно. Все документы, касавшиеся этих работ, до недолгого времени были помечены грифом "Совершенно секретно". Сейчас на территории области установлено несколько памятных знаков. На трассе Богородск – Оранки, у поворота к детскому лагерю «Березка», на трассе Нижний Новгород - Арзамас, у села Богоявление стоят памятные знаки в форме противотанкового ежа, которые напоминают нам о тех "невоевавших окопах". Нижегородский поэт Юрий Адрианов написал стихотворение, посвященное подвигу, который был совершен на грани человеческих возможностей.

*«Не знаю, вы, быть может, не видали
Остатки рвов у волжских деревень?
На этих рубежах не воевали –
Их строили на самый черный день.
На самый горький, страшный миг прорыва,
На самый роковой для жизни час,
Когда б волна железного прилива
Плеснула под Саранск и Арзамас...
Быть может, говорить о том не надо,
Когда не потревожены поля.
Но трижды славны камни Сталинграда,
Которым здесь обязана земля.
Обязана покоем деревенским,
Где есть одно лишь зарево – закат,
И тем рукам, и девичьим, и женским,
Измученным от тяжести лопат...».*

Возвращались с окопов в январе 1942 года, измученные и изможденные. Как вспоминала Мария Николаевна Топкова, у которой на строительстве рубежа обороны работала мама: "Мы ее не сразу и узнали... Лицо черное, обмороженное. Была она у нас высокая, полная, а тут худая, почти старуха. Когда им объявили, что работы

закончены, они тут же отправились домой, а это сотня километров по морозу. Потом уже, в мирное время, я часто спрашивала маму о той работе, но она твердила только одно: *“Дай, Господь, забыть мне об этих окопах”*.

И все же несмотря на войну женщины оставались женщинами. Они умели довольствоваться малым. *«На долю моего поколения выпало много трудного, горького, и все-таки мы умели радоваться, — говорит М. П. Добровольская, работавшая на одном из заводов токарем. — Бывало, получишь военную пайку хлеба, умудришься сколько-то сэкономить, чтобы обменять на какую-нибудь брошку или еще какую безделушку — вот радости-то было!»*.

В парикмахерских были очереди: не пугали даже налеты немецкой авиации. Когда объявляли воздушную тревогу, в парикмахерской отсоединяли провода, нагревающие коклюшки, и клиентка с накрученными волосами бежала в бомбоубежище, чтобы потом, после отбоя тревоги, вернуться и продолжить завивку.

Ходили в театры, на кинопоказы, в клубы и библиотеки.

В городе открывались танцевальные залы, особо славились танцы в кинотеатре «Рекорд», в Доме связи (там был большой зал) и при Доме офицеров (в Холодном переулке).

Не забывали люди и о милосердии, сами выживая в сложных условиях, не оставляли без помощи тех, кто в ней особо нуждался. Однажды в военный отдел райкома партии Автозавода пришло письмо, взывающее о помощи, с фронта от капитана Конюхова. Он писал, что сам воюет с первых дней войны, а жену с двумя детьми эвакуировали из Ленинграда в город Горький. По дороге младший сын умер. Жена пишет, что живут они с сынишкой в холодном бараке, в поселке Доскино, зимней одежды нет и сын вот-вот свалится. Капитан умолял помочь сохранить семью. В Доскино отправили молодую комсомолку Клаву. Когда она пришла по указанному адресу, то увидела грязные стены, на окне лед, на кровати около нетопленной печи в тряпье ворочается малыш.

- Дрова, ватник, дополнительное питание... Что еще? - спросила Клава.

- Валеночки бы сыну... - неуверенно сказала женщина.

Вернувшись на завод, Клава докладывала начальнику о своем визите.

- Питанием обеспечим, торфу дадим. Что еще?

- Да уж не знаю, как сказать...

- Опять, поди, валенки пообещала?

Начальник не раз предупреждал свою помощницу: все что угодно - только не валенки. В ту зиму они были самым дефицитным товаром.

- Ну как я могла отказать, Вы бы видели малыша, одни глаза...

На следующий день войдя в кабинет к своему начальнику, Клава увидела на столе два маленьких валеночка...

В сложное военное время, когда несчастья разрушали не только страну, но и человека изнутри, милосердие возвращало надежду и веру в будущую победу. К милосердию и силе духа призывала и Русская православная церковь, которая с первых дней войны словом и делом помогала своему народу, внося весомый вклад в общее дело победы над грозным врагом. Об этом мы поговорим с вами у Михайло-Архангельского собора.

Точка 13. У Михайло-Архангельского собора.

Так уж повелось на земле Русской, что любые самые страшные идеологические распри забываются перед лицом смертельной опасности. Так было и в Великую Отечественную, когда церковь, долго гонимая большевиками под лозунгом «Религия - опиум для народа!», с первых дней войны четко обозначила свою позицию. 22 июня 1941 года ее глава, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) обратился ко всем православным верующим страны с письменным посланием, в котором заявил, что Церковь всегда разделяла судьбу своего народа. Так было и во времена Александра Невского, громившего псов-рыцарей, и во времена Дмитрия Донского, получившего благословение от игумена земли Русской Сергия Радонежского перед Куликовской битвой. Не оставит Церковь своего народа и теперь, благословляя на предстоящий подвиг.

26 июня 1941 года Сергей отслужил в Богоявленском соборе Москвы молебен «О даровании победы», и с этого дня во всех храмах страны почти до самого конца войны начали совершаться подобные молебствования.

Руководство страны не сразу оценило патриотический настрой Московского Патриархата. И это не удивительно. С начала революции 1917 года Православная Церковь в Советской России считалась чужеродным элементом и пережила немало тяжелейших моментов в своей истории. В гражданскую войну множество священнослужителей было расстреляно без суда и следствия, храмы разорены и разграблены. В нашем городе местом погребения первых новомучеников стала Волга. В ночь с 17 на 18 августа 1918 года на острове Мочальном, были расстреляны 15 монахов Оранского монастыря, его настоятель и настоятель церкви Казанской иконы Божией Матери. Это было только начало. Гонения на церковь и репрессии священников продолжались все 20-30-е годы. Церковь объявили единственной «легальной» контрреволюционной силой в стране. Был взорван кафедральный храм Христа Спасителя в Москве, по стране прокатилась волна уничтожения церквей и превращение их в склады и клубы под лозунгом «Борьба против религии — борьба за социализм».

Была поставлена задача — в ходе «безбожной пятилетки» 1932-1937 годов уничтожить все храмы, церкви, костелы, синагоги, молельные дома, мечети и дацаны, охватив антирелигиозной пропагандой всех жителей СССР, в первую очередь, молодежь. Советская власть видела в РПЦ идеологического соперника и последовательно принимала меры к его уничтожению.

Несмотря на все революционные потрясения и антицерковную политику, народ оставался верующим. Согласно переписи населения 1937 года верующими назвали себя две трети селян и треть горожан, то есть более половины советских граждан. Наверху утверждали, что Бога нет, а народ жил с Богом в сердце.

Церковь нужна была власти в качестве временного союзника. Война разворачивалась совсем не по тому сценарию, что предполагали в Москве. Германские войска стремительно наступали по всем направлениям, захватывая крупные города и важнейшие области. Русская Православная Церковь оказалась в рядах первых, кто выступил с призывом идти до конца в этой войне. Достаточно сказать, что за годы войны митрополит Сергей обращался к православному народу с патриотическими посланиями

24 раза. Послания митрополита Сергия размножались государственными типографиями и разбрасывались с самолетов по ту сторону фронта. Во всех еще работавших храмах священники обратились к верующим с призывом защищать Родину. Тон официальных СМИ по отношению к Русской Православной церкви смягчился, смолкла антирелигиозная пропаганда.

Перед началом Великой Отечественной войны почти все храмы Горьковской епархии были закрыты или уже не существовали. Последний из действовавших храмов (в поселке Высоково) был закрыт накануне войны – в декабре 1940 года. Однако 10 августа 1941 года Троицкая Высоковская церковь вновь была открыта, и в первые же месяцы войны её прихожан внесли в Фонд обороны более миллиона рублей. В день открытия церкви ее прихожане направили письмо Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Сергию, где говорилось: «Мы верим, что Господь с нами. Коварным фашистам с их языческим знаком не одолеть России и Православной церкви.» На извещении об этом Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергей написал: «Браво, Нижний Новгород. Не посрамили Мининскую память. Бог всех вас да благословит». В 1943 году было открыто еще 2 церкви, а в 1945 году – еще 13 храмов.

Епархии стали образовывать фонды сбора средств для помощи фронту, причем Горьковская епархия была одной из самых активных (за время войны собрано более 9 миллионов рублей). Верующие горьковчане особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта и на поддержку раненых бойцов. Они несли не только деньги и облигации, но и драгоценности (люди снимали даже свои обручальные кольца), обувь, полотенца, полотно, заготавливалось и сдавалось немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Всего же за годы войны в фонд обороны страны верующими было направлено 300 миллионов рублей. На эти деньги были построены танковая колонна «Димитрий Донской» и истребительная эскадрилья «Александр Невский». Патриарх Сергей на нужды фронта передал бриллиантовый крест с клобука и наперсный крест с груди.

Весной 1942 года впервые в крупных городах было разрешено провести пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами. «Не свастика, а Крест призван возглавить нашу христианскую культуру, наше христианское жительство», - писал Сергей в пасхальном послании. В Ленинграде открытые храмы были полны народа, который шел туда под бомбежками. В Пасху 1942-го там освящали не куличи, а кусочки блокадного хлеба.

В начале 1943 года состоялся первый обмен посланиями между Сергием Страгородским и Сталиным. Сергей отправил главе страны телеграмму, в которой просил разрешения на открытие Московской Патриархией банковского счета для внесения средств, собранных на нужды фронта, на что вождь согласился. 4 сентября 1943 года Сталин встретился с руководством Московской патриархии. В ходе почти двухчасовой беседы митрополит Сергей поднял вопрос о необходимости увеличения числа приходов и об освобождении священников и архиереев из ссылок, лагерей и тюрем, о предоставлении беспрепятственного совершения богослужений и об открытии духовных заведений. Важнейшим итогом встречи стало появление у Русской Православной Церкви Патриарха — впервые с 1925 года. Решением Архиерейского собора РПЦ, проходившего 8 сентября 1943 года в Москве, Патриархом единогласно был избран митрополит Сергей (Страгородский).

Однако уступки церкви делались только до тех пор, пока в ней была нужда. Отношение советской власти к церкви во время войны было вполне прагматическим, церковное возрождение было неполным, да и недолгим. Тем не менее вера во многом помогла людям преодолеть тяжелейшие испытания военного времени, укрепляла их силу духа, вселяла надежду в долгожданную Победу. Такими испытаниями для горьковчан стали страшные бомбежки города в период с 1941 по 1943 год.

Точка 14. У Откоса

Отсюда открывается прекрасный вид на мост через Оку и Заречную часть города. Именно там располагается большая часть производств, которые в годы войны обеспечивали фронт всем необходимым. И именно поэтому заречная часть стала объектом страшных разрушительных бомбардировок.

Согласно немецкому плану «Барбаросса» по разгрому СССР, уже осенью 1941 года немцы планировали вступить в Горький. Полный захват Горького – крупнейшего производителя оружия для Красной Армии – по сути дела, означал бы окончание войны. Одни предприятия планировалось разрушить, другие (например, ГАЗ) заставить работать на нужды Рейха.

С самого начала войны и до осени тыловой на тыловой Горький не упало ни одной бомбы, хотя об этом говорилось на каждом занятии по местной противовоздушной обороне. Каждый горожанин должен был знать, чем грозит это затишье. Люди учились тушить зажигалки, оказывать первую помощь раненым. Город ошетинился зенитками. Они стояли в черте города, на высоких холмах, и на гривах вдоль Оки и Волги, а то и на крышах заводских корпусов. Все понимали, что тишина эта временная. Враг подходил к Москве, а это означало, что Горький уже входил в зону действия вражеских бомбардировщиков и ждать их визита осталось недолго. И совершенно понятно, что ударит враг по заводам, перешедшим на военное производство.

Ночью 4 ноября 1941 года к городу по одиночке с разных сторон на бреющем полете начали подходить немецкие самолеты. Никакого сигнала тревоги не прозвучало. Зенитчики тоже пропустили первый самолет, который сбросил бомбу на автозавод. Из воспоминаний автозаводца Адольфа Григорьева: *“Я очень хорошо помню первые бомбежки. Самолеты летали так низко, что мы, детвора, видели лица летчиков. Сначала приняли эту воздушную технику с крестами на крыльях за санитарную. От нашей наивности не осталось и следа, когда совсем рядом, на территории завода, разорвались бомбы. Мы как-то сразу повзрослели... Привыкнуть к бомбежкам было невозможно.”*

Другой целью стал телефонный завод им. Ленина (современный НИТЕЛ). На него сбрасывали 1000-килограммовые бомбы, одна из которых попала в четырехэтажный главный корпус завода, разрушив большую часть здания. Погибло практически все руководство предприятия, в том числе и директор. Братская могила работников завода, погибших во время этой бомбежки, находится на Красном кладбище. Были полностью уничтожены или повреждены многие цеха, от разрушенного главного корпуса в небо поднялся высокий столб черного дыма, огня и пыли, который было видно из всех частей города. Потом фашистский самолет начал кружить над Мызой и на бреющем полете

расстреливать из пулемета бегущих людей. Затем пилот спокойно повел самолет к Кремлю, попутно осматривая местные достопримечательности.

Чуть позже другой бомбардировщик атаковал завод «Двигатель революции».

Естественно, на городских улицах началась паника: пассажиры на ходу выпрыгивали из трамваев, шоферы бросали автомашины прямо на дороге и убегали, толпы людей сломя голову бежали к укрытиям.

Между тем в городе начались спасательные работы. Большие глыбы растаскивали «полуторками» и тракторами, а мелкие обломки – вручную. Доставали тела погибших, предъявляя их на опознание собравшимся родственникам. Кто-то узнавал своих по оторванной кисти руки с часами, кто-то по куску ноги с ботинком. Опознанные останки грузили на грузовики и везли на кладбище. Большая же часть ГАЗа, несмотря на повреждения, продолжала работать. В послевоенные годы подробности этого страшного налета и его последствия всячески скрывались от общественности, а действия противовоздушной обороны, напротив, описывались как суперэффективные. Точное число погибших во время бомбежек Горького до сих пор не установлено. Официальные данные о 300 погибших в 1941 году совершенно не реалистичны. Тысячи горьковчан навсегда остались в истории с приставкой «пропавшие без вести».

Военные историки, в подробностях изучившие оборону Горького осенью 1941 года, утверждают, что она была организована крайне плохо. Не хватало войск ПВО, зениток и авиационного прикрытия. Всё это находилось в стадии организации. Маскировка заводов и оборонных предприятий еще не была готова. Только в августе 1942 года ГКО принял постановление “О строительстве ложных объектов промышленных предприятий г. Горького”. В один из осенних дней 1941 года с учебного аэродрома на Мызе в воздух поднялся самолет, пассажирами которого были архитекторы Валентин Рымаренко и Николай Ушаков. Они должны были определить, как скрыть город от вражеских лётчиков и уберечь его от бомбовых ударов. Конечно, весь город скрыть было невозможно, в первую очередь это касалось оборонных заводов. Требовалось также “размыть” видимые ориентиры - трубы заводов, нефтеналивные баки, чтобы не дать вражеским самолетам точно заходить на цели. Понятно, что у вражеских летчиков уже были точные планы города, значит надо было подстроиться под них и увести бомбардировщика на ложные объекты. Опыта маскировки промышленных корпусов у горьковских архитекторов не было. За помощью они обратились к московским коллегам, которые к тому времени смогли замаскировать все важные объекты в центре столицы и даже Кремль с Мавзолеем. На Красной площади “стояли” дома и пролегали улицы.

Они рекомендовали разрисовать заводы, изображая на крышах цехов частные дома и городскую застройку. Так вражеские летчики потеряли завод “Двигатель революции”. Рядом с деревней Федяково был выстроен огромный муляж автозавода. Строили его из фанеры, выставив в оконные проемы стекла, чтобы они бликовали на солнце, когда попадут в объективы самолетов-разведчиков. Ночью на территории ложного завода горел свет. Когда звучал сигнал тревоги, его специально выключали с опозданием, чтобы вражеские летчики видели исчезающий в темноте объект. Очевидцы утверждали, что иногда бомбовые удары приходились по фанерным цехам, но было это не часто. Основной груз бомб все-таки приходился по автозаводу.

Беспокойство архитекторам доставляли заводские трубы. Их можно было скрыть, выкрасив под цвет зелени, но куда деть тени от них, как их замаскировать. Решено было возвести большое количество ложных труб в разных местах промышленной зоны.

Особое внимание уделялось защите мостов. Зенитная батарея стояла на острове «Печерские пески» около Канавинского моста, зенитные орудия разместили на Тайницкой и Северной башнях кремля, а на Часовой башне были установлены прожектора, которые отслеживали вражеские самолёты. Зенитный расчёт был и на месте снесенных куполов собора Александра Невского. Кроме того, на воде круглосуточно дежурили специальные катера, и как только раздавался сигнал тревоги, они ставили плотную дымовую завесу, благодаря которой ни одна бомба на мост не упала. Во время налетов немецкой авиации прямо на Волжский мост выезжал поезд, на платформе которого располагалась зенитная батарея. Зенитки били непрерывно, чтобы не дать немцам подлететь близко и сбросить бомбы на мост. Осколки от выпущенных снарядов сыпались вниз на жилые дома, часто пробивая их крыши. Жителям потом даже приходилось ремонтировать жилища, заливать образовавшиеся от падающих осколков дыры гудроном. Люди были вынуждены прятаться по щелям, которые представляли собой вырытые в земле ямы, покрытые сверху бревнами, и убежищам. Свои воспоминания об этих бомбежках в стихотворной форме оставил нижегородский поэт Юрий Адрианов, которому в начале войны исполнилось всего 3 года.

Чемодан сорок первого года

В шубенке, в шапке, в трех рубашках

Я спал, похожий на кочан.

У входа ко всему бесстрашный

Стоял со скарбом чемодан.

И в миг, когда сирена взвыла,

Мать под зениточный шалман

Одной рукой меня тащила,

Другой - тащила чемодан.

Над земляной норой у Волги,

Куда сбредался млад и стар,

Свистели, сыпались осколки,

Далече полыхал пожар.

Во тьме неразличимы лица,

Лишь только женщин голоса.

В ту осень у дверей столицы

Стояли немцев корпуса.

А в миг желанного отбоя,

Когда наш разбредался стан,

Мать в ночь несла кромешной тьмою

Меня и старый чемодан.

Самые страшные бомбежки города пришлось на июнь 1943 года. Тогда всем было ясно, что предстоящее сражение, битва под Прохоровкой, может стать переломным. Целью немцев был ГАЗ. Они приняли решение бить советские танки и сбивать самолеты еще в цехах заводов, их выпускавших, а для этого подвергнуть тыловые города Поволжья массированным ударам, чтобы обескровить промышленность. Бомбежки Горького 1943 года сейчас историки рассматривают как самый массированный удар люфтваффе по тыловому городу за всю историю Второй Мировой войны. 7 массированных ночных налетов, в ходе которых горьковский Автозавод был уничтожен практически полностью. Немецкие самолеты появлялись над городом по четко разработанной схеме. Первыми шли самолеты, которые обозначали цели, они подвешивали осветительные ракеты над несколькими районами города. Очевидцы вспоминали, что в ночном небе возник огненный водопад, устремившийся к земле. Это самолеты сбросили тысячи кусочков толстой фольги, обмазанных фосфором. А в это время волна за волной на цели заходили фашистские бомбардировщики. У каждого штурмана были аэрофотоснимки целей, которые они должны были поразить. В свете пожаров их легко было отыскать на земле и открыть бомболюк. В налетах немцы применили новинку - специальную воспламеняющуюся жидкость, будущий прообраз напалма. Вмиг поднявшаяся над автозаводом стена огня привела в ужас жителей нагорной части города. Говорят, ГАЗ горел так, как горит тайга, огромное зарево пожарища, которое было видно даже из соседних деревень. Потушить пожар было невозможно, потому что немцы в первую очередь уничтожили водонапорную станцию.

Почему же наши бомбардировщики и штурмовики не наносили упредительных ударов по аэродромам противника? Конечно, наносили, но эта операция началась 7 июня 1943 года и запоздала на 3 дня, за которые автозавод был практически разрушен, и немецкой авиации могла угрожать только местная противовоздушная оборона. Небо над Автозаводом защищали как могли зенитные батареи 784 зенитно-артиллерийского полка. Полк формировался за счет местных жителей, а также за счет прибывшего из Краснодарского края пополнения девушек. На вооружении стояли зенитные пушки "сорокамиллиметровки". Высота их стрельбы ограничивалась 4 км, если самолет летел выше, огонь его не доставал. Ребят из полка забирали на фронт, а им на замену присылали девчат. Добросовестные и старательные, они были и шоферами, и прибористами, подносили тяжелые снаряды весом по 15-20 кг, под огнем вели стрельбу, спасали раненых. Дула зениток раскалялись настолько, что невозможно было зарядить снаряды, поэтому набрасывали на них мокрые шинели, чтобы хоть как-то остудить. А сверху сыпались осколки. Потери люфтваффе в июне 1943 года составили всего 33 самолета.

До сих пор остается загадкой, почему немцы настолько прицельно бомбили завод. Иногда можно услышать версию о том, что в этом виноваты немецкие специалисты, которые работали на заводе в 30-х годах. Уже после войны автозаводцы вспоминали о чудачествах немцев, работавших на ГАЗе. Они скупали редкие в то время путеводители и краеведческие книги. Казалось бы, в этом нет ничего особенного. Ветеран завода Федор Чинченко вспоминал историю о своем немецком наставнике на заводе Леопольде Финке. После прихода к власти в Германии Гитлера все немцы были высланы из СССР в 24 часа. Покинул Автозавод и Леопольд Финк. Уже после войны Чинченко на одном из важных совещаний в Германии познакомился с бывшим работником штаба

дальней авиации. Он-то и показал фотографию, на которой в группе офицеров вермахта стоял Леопольд Финк в генеральской форме. Финк проектировал на заводе все подземные коммуникации, а потом работал начальником отдела технического контроля. В 1943 году он командовал корпусом стратегической авиации.

Во всеуслышание немцы заявили, что ГАЗ уничтожен. Вряд ли они догадывались, что восстановительные работы уже идут полным ходом. Уцелевшие станки люди выносили на открытые площадки. Выточенные корпуса снарядов тут же увозили на склады подальше от завода. Разбирали завалы, засыпали воронки от бомб, хоронили убитых. На завод съехались строительно-монтажные бригады из Москвы, с Урала, из Сибири и Средней Азии. Общая численность рабочих достигла 35 тысяч человек. Общие восстановительные работы были закончены за неполные 4 месяца. Они вошли в историю нашего города как “сто штурмовых дней и ночей”.

Заключение. У Вечного Огня.

Горьковчане доблестно выстояли, выдержали все испытания, отстраивали заново разрушенные здания, благоустраивали город, сажали деревья. И вот она, Победа! В июле 1945 года началась демобилизация, и герои стали возвращаться из Европы домой. Эшелоны были украшены зеленью, плакатами, по пути следования им устраивали торжественные встречи. В Горьком их встречали на станции «Горький-товарная», сейчас это Московский вокзал, а в то время там был тупик. Составы прибывали в разное время дня, но для торжественности встречи это не имело никакого значения.

Первый эшелон демобилизованных бойцов войск противовоздушной обороны Красной Армии прибыл в город Горький 17 июля 1945 года, в 6 часов утра. На перрон для встречи победителей прибывали руководители города и области, предприятий, учреждений и институтов города, родные и друзья фронтовиков. Были организованы передвижные буфеты, оркестры, установлена трибуна. Нарядные женщины приносили детей, букеты цветов, встречать победителей приходили артисты, профессора вузов, писатели, музыканты, каждый район города присылал представителей. Прибывших военнослужащих, одетых в новенькую форму, встречали праздничными митингами, выступали представители власти, горожане, сами бойцы. После митинга солдат развозили по домам на нарядных красиво украшенных разноцветными флажками, кумачовыми полотнами с приветственными надписями автобусах и автомобилях.

Демобилизованным старались обеспечить максимально комфортные условия: им выдавались рабочие продовольственные карточки специального образца со знаком «ДМ», которые можно было отоварить в особом порядке, и годовые промтоварные карточки для приобретения необходимой одежды, обуви и хозяйственных товаров. Быстрыми темпами ремонтировали квартиры и строили дома. Семьям военнослужащих предоставляли льготы по квартирной плате, обучению, налогам, их применение контролировалось специальными комиссиями. В Горьковском речном порту был выделен специальный дебаркадер, «где полностью обслуживались все бытовые нужды демобилизованных бойцов».

По данным на 2025 год участников боевых действий ВОВ в нашей области осталось чуть более 100 человек, в Нижнем Новгороде накануне Дня Победы их было 44.

С фронта домой не вернулись почти 360 тысяч горьковчан - уроженцев города и области. Вечная память нашим защитникам, отстоявшим жизнь, спасшим нашу страну и весь мир от фашизма, хранится в нас, потомках фронтовиков. Горит Вечный огонь, как символ этой памяти, и хранит его бережно наш древний Кремль, который повидал на своем веку многих богатырей и доблестных воинов. Он, как никто другой, знает цену нижегородцам!